

Анна Джолос

Если завтра случится

«Литнет»

2022

Джолос А.

Если завтра случится / А. Джолос — «Литнет», 2022

Тихий курортный городок, расположенный на берегу моря, внезапно взрывается новостью о том, что прямо у ворот Улановского Академического Театра была похищена дочь губернатора, восемнадцатилетняя балерина, Анастасия Зарецкая. Кому и зачем понадобилась девчонка? Кто осмелился на столь дерзкий вызов и какие цели преследует? Именно эти вопросы волнуют взбудораженных журналистов и самого губернатора, Эдуарда Зарецкого, в срочном порядке вернувшегося из Москвы... #тайны прошлого #дочь губернатора #запретные чувства

© Джолос А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	51
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пролог

Спектакль проходит на ура. Зал рукоплещет, режиссёр-постановщик сдержанно улыбается, и артисты выходят на очередной поклон, пребывая в состоянии полной эйфории.

Что ж...

Эмоции переполняют.

Аплодисменты ласкают слух.

Вот оно, желанное чувство удовлетворения. Часы непрерывной, кропотливой работы дали прекрасный результат. Премьера состоялась! Теперь вполне можно гордиться собой. И, знаете, я горжусь...

– Ты меня чуть не уронил! – ругает Кристина Алексея, сразу же после того, как опускается занавес.

– Ну не уронил же, – смеётся тот в ответ.

– Идиот!

– Крис, мне кажется или ты стала тяжелее?

– Лучше тебе заткнуться прямо сейчас, – она угрожающе сдвигает брови к переносице.

– Садалова, не забудь вернуть мои пуанты! – кричит Светка Наташе.

– Свои-то как найти? Какая дрянь их спрятала?

– Ой, я тебя умоляю, кому они сдались? Ты ж не Зарецкая, – косится в мою сторону Света. – Сама, небось, куда-то их положила.

– Да нет же! – спорит Наташа, уперев руки в бока.

– Вы только гляньте! Я потная, как мышь, теряю сознание, – Ира высовывает язык и машет на себя руками.

– Да ладно, Калинина. Давай запилим фуэтэ на бис, – толкает её худым плечом Марина.

– Иди ты в задницу, – отзывается та.

– Это привилегия Разумовского.

– Дура, – прыскает в ладонь Ирка.

– Кому водички? – спрашивает кто-то.

Душу за неё продала бы, но молчу.

– Есть у кого-нибудь шоколадка? – по традиции спрашивает Алина.

– Бурунова, у тебя диета, – строго напоминает хореограф.

– Ну Елена Владимировна, – девчонка обиженно дует губы.

– Помочь приме донести цветы? – услужливо предлагает Олег, возникший из ниоткуда прямо передо мной.

– Нет, спасибо, сама справлюсь.

– Как хочешь, – открывает мне дверь и пропускает вперёд.

По обыкновению навязчивый, сегодня проявляет чудеса такта. И это, несомненно, радует.

Выбираюсь в коридор. Туда, где шум и гвалт. Танцовщики кордеболета громко переговариваются между собой. Кто-то смеётся, кто-то плачет. Полярные состояния...

Балетное закулисье – это, без преувеличения, особый мир и целая Вселенная, частью которой я являюсь вот уже много лет.

– С премьерой, Настя!

Останавливаюсь. Оборачиваюсь.

Удивительно, но именно Екатерина Островская, первая солистка нашего театра и моя прямая конкурентка, находит в себе силы меня поздравить.

– С премьерой, Кать. Ты отлично танцевала.

– Знаю, – кивает, соглашаясь. – Ты тоже выступила достойно.

Это её снисходительное «тоже» прозвучало несколько фальшиво, но приятно, что она всё-таки это признаёт.

– Островская, иди сюда! – зовут её девочки.

Я продолжаю путь до своей гримёрки. По дороге то и дело натыкаюсь на взбудораженных балерин. Все они по традиции старательно делают вид, что меня не существует. Обычная, казалось бы, ситуация, но я всё равно немного расстраиваюсь. Обидно.

Оказавшись в своей обители, выдыхаю с облегчением. Кладу цветы на стол и замечаю ещё один огромный букет, кем-то заботливо поставленный в вазу. Снимаю маленькую открытку. Достая из сумки телефон и перезваниваю отцу.

– Спасибо за цветы, па.

– Настёна... Как всё прошло? – интересуется он с ходу.

– Отлично.

Жаль, что ты этого не видел...

– Мама сказала, зал аплодировал стоя.

– Это не только моя заслуга.

– Не скромничай, родная. Ты лучшая.

– Как у тебя дела, пап? – меняю тему.

– Еду на встречу, – докладывает он коротко.

– Как тебя встретила столица? – почёсываю насмерть забитые шпильками волосы.

– Погода в Москве – дерьмо. Чёртов дождь, туман. Херня полная.

– Всё, как ты «любишь», – хмыкаю я.

– Притормози вон там, – командует кому-то. – Насколько планируешь задержаться сегодня в театре? – снова возвращается к нашему разговору.

– Пока не знаю.

Боюсь, что моему присутствию на фуршете будут не особо рады. Большинство танцовщиков театра считают, что место примы-балерины купил мне отец. Так что, как вы догадались, отношение коллектива ко мне предсказуемое.

– Наберёшь Семёна, когда решишь ехать домой.

– Да, хорошо, – обещаю послушно.

– Ну всё, Настён, пока. Мне пора. Скоро увидимся.

– Пока, пап.

Отключается.

Вот так всегда. Времени на родную дочь у губернатора немного. Но я уже давно привыкла к этой его извечной занятости.

Занимаю стул напротив зеркала.

– С премьерой, – говорю сама себе, внимательно оценивая своё отражение.

Не моргаю. Пытаюсь понять, что во мне изменилось. И вообще изменилось ли.

– Настенька! – в дверь стучат.

– Войдите.

В гримёрке появляется режиссёр-постановщик спектакля, а следом за ним и наш хореограф.

– Ты была неподражаема! Божественно хороша!

– Уж не перехвалите её, Борис Константинович, – осаживает его Земцова. – Словит вон звёздную болезнь и пиши-пропало.

– Да не говорите ерунды, Леночка! Зарецкая – образец скромности. Её самокритичность порой зашкаливает.

– Скорее помогает реально оценивать свои способности, – язвит хореограф. – Они, условно, есть, но перед нами далеко не Майя Плисецкая.

Что мне нравится в этой женщине, так это её прямолинейность. Земцова всегда будет говорить лишь то, что думает на самом деле.

– Не будете же вы отрицать, что Настя справилась с порученной миссией?

– Не буду. Однако работать есть над чем, – добавляет она строго. – Что с ногой, прима? Напрягаюсь, услышав это.

– Всё в порядке, – намеренно лгу.

– Ну-ну, – прищуривается и цокает языком.

Глупо было думать, что она не заметит, однако я точно не собиралась уходить со сцены в разгар спектакля из-за банального несущественного вывиха.

– Мои поздравления с первым серьёзным успехом! – Борис Константинович дотрагивается до моего плеча. – Ждём тебя на фуршете. Почтишь публику своим присутствием?

– Если нет, эта самая публика не особо расстроится, – язвительно комментирует его приглашение Земцова.

И снова в яблочко.

– Перестаньте, ради бога! – возмущается Борис.

– А то вы не в курсе, что происходит, – фыркает та в ответ.

– Я приду, но не надолго, – пресекаю дальнейшую дискуссию. Не хочу, чтобы они из-за меня ругались.

– Договорились. Не будем мешать. Там, кстати, твой жених у сцены.

Надо же? Пришёл?

– Завтра же ногу показать врачу, – сухо наставляет Елена, уже стоя в дверях. – Поняла меня, Зарецкая?

– Поняла.

Щелчок. Снова остаюсь одна.

Вдыхаю. Развязываю ленты, снимаю пуанты, и морщусь, глядя на кровавые мозоли.

– Красота неопишуемая, – лезу в аптечку. Ежедневный ритуал, сколько себя помню.

Обработав раны, ловко наклеиваю пластырь и наконец переодеваюсь.

Вновь устремляю взгляд к зеркалу. Изящный белый классический комбинезон-клёш в нужных местах льнёт к телу, выгодно подчёркивая каждый изгиб. И, что важно, при этом наряд выглядит весьма сдержанно, а не вульгарно.

Поправляю макияж. Вытаскиваю из коробки новые брендовые туфли.

В пустой зал спускаюсь минут через десять. Амиран сидит в первом ряду, и его белая рубашка здорово контрастирует с красным бархатным покрытием кресел.

– Так это правда? Ты здесь? – спускаюсь по ступенькам.

– Разве я мог пропустить твою премьеру? – встаёт и уверенной походкой направляется ко мне.

– Ты ведь не любишь балет.

– Не люблю, но посчитал нужным прийти. Цветы, – отдаёт мне шикарный букет.

– Спасибо, Амиран. Они... чудесные, – вдыхаю аромат алых роз, чьи бутоны тесно прижимаются друг к другу.

– Думаю, что заслужил твой поцелуй.

Смущённо улыбнувшись, касаюсь губами его щеки.

– Это всё?

– Это всё, – прижимаю к груди цветы, увеличивая между нами расстояние.

– Настя-Настя... – склоняет голову чуть влево, берёт меня за руку и сжимает своей большой горячей ладонью маленькую мою. – Скоро ты станешь моей женой. Не забывай об этом.

Он смотрит так, что сомнений не остаётся: это непременно случится. Выбора у меня нет. Да я и не против этой свадьбы, если уж откровенно.

– Не дави на мою девочку, Амир. Не забывай, ей всего восемнадцать.

Мама, как всегда, появляется в самый нужный момент.

– Какая ты... Выглядишь великолепно! – искренне восхищаюсь, глядя на родительницу, облачённую в длинное чёрное платье, украшенное переливающимися на свету камнями.

– Моя радость, сегодня все комплименты только тебе, – подходит ближе и целует меня.

– Ты выступила превосходно.

– Папа звонил.

– Совесть проснулась? Это радует.

– Мам... Ты же знаешь, он уехал по работе, – по привычке оправдываю его отсутствие.

– Иногда полезно выключать режим губернатора и включать режим заботливого отца, – ворчит родительница.

– Отвезти вас домой? – вмешивается в нашу беседу Амиран, вскидывая руку с часами. Своё время он очень ценит. Наверняка, уже куда-то опаздывает.

– Отвези, будь любезен, – принимает его предложение мама.

– Я не поеду. Меня пригласили на фуршет, немного задержусь.

– Разумеется, дочка.

– Завтра вечером повезу Настю в ресторан, – сообщает ей Амиран. – Будь готова в семь, – а эти слова адресованы уже мне.

– Хорошо. Ещё раз спасибо за цветы.

– Алиса, жду вас снаружи, – кивнув, задерживает на мне взгляд и уходит.

– Правильно делаешь, что держишь дистанцию, – мама следит за тем, как удаляется его внушительная фигура. – Такого мужчину сложно заинтересовать в принципе. А уж удержать этот его интерес тем более. Но у моей девочки получается, – улыбается ещё шире и спешит меня обнять.

– Иногда он меня пугает.

– Я понимаю, о чём ты говоришь. Этот его напор... Аж дышать нечем, – обмахивается веером и хлопает ресницами.

Хихикаем как две дурочки.

– Он такой взрослый, мама.

– Да брось, Насть, всего десять лет разницы. Вы – не пара, а загляденье! Прелестная лань и хищник.

– Что за сравнение!

– А что? Видела, как он на тебя смотрит? Так и сожрал бы!

– Ладно, я пойду, пока тебя не понесло дальше...

Наперёд знаю, чем грозит.

– Признай, что ждёшь этого не меньше, чем я! – заявляет провокационно.

– Перестань, пожалуйста! – возмущённо прошу, уже будучи на сцене.

– Тебе понравится. Опытный мужчина – настоящий подарок для женщины.

– Ничего не слышу, такое эхо! – тараторю, ощущая как скулы заливаются румянцем.

Умеет мама вогнать в краску...

Моё появление на фуршете вызывает всеобщее недовольство. Натянутые улыбки, дежурные фразы, завистливые взгляды. Сказать, что в театре меня недолюбливают, это всё равно, что ничего не сказать...

И нет, не всегда так было. В прошлом году, например, когда я танцевала в составе кордебалета, отношения с коллективом складывались неплохо. Я бы даже вполне могла назвать их дружескими.

– Анастасия, буду рад знакомству. Михаил Томак, – представляется седовласый мужчина, перехвативший меня буквально у дверей.

Я как раз собиралась уйти, дабы не портить своим присутствием людям праздник. И так продержалась почти час. Это ли не подвиг?

Михаил Томак.

Погодите, Томак? Тот самый? Ничего себе!

– Здравствуйте, – только и могу произнести.

– Весь спектакль смотрел исключительно на вас, – наклоняется и галантно целует мою руку.

– Приятно это слышать.

Получить подобную похвалу от столь известного в наших кругах человека – поистине дорогого стоит.

– Вы – настоящее украшение этого провинциального театра. Юны, но при этом невероятно талантливы.

– Благодарю вас.

– Настя, я не стану вас долго задерживать, вижу, вы торопитесь...

О да. Всё, о чём мечтаю, – тёплая ванна с пеной и мягкая постель. Большого ничего не надо.

– Хочу предложить вам сотрудничество.

– У меня контракт.

– Не спешите с отказом, – протягивает мне визитку. – Москва могла бы дать вам гораздо больше, чем это... место, – тщательно подбирает слова.

Молча зажимаю пальцами маленькую пластиковую карточку.

– Позвоните, когда будете готовы к разговору, – кивает и исчезает так же быстро, как появился.

Так странно... Будто и не было этого эпизода. Да вот только визитка, на которую я в растерянности смотрю, даёт понять, что всё случилось на самом деле.

Меня пригласили в Большой.

Разве такое возможно?

Поднимаю голову и натываюсь на пристальный взгляд директора нашего театра.

Судя по выражению лица, он внимательно наблюдал за тем, что происходило, и теперь я не могу отделаться от ощущения того, что повела себя словно чёртова предательница.

Взмахнув на прощание рукой, ухожу.

Щёки безбожно горят всё то время, пока нахожусь в стенах Улановского. Уверена, мой диалог с Томаком непременно станет новым поводом для сплетен. Как же иначе...

– До свидания, Анастасия Эдуардовна, – прощается со мной охрана.

– До свидания, – минуя турникет, выхожу на улицу, где меня встречает прохладой тихий, летний вечер.

Как хорошо...

Стуча каблучками, направляюсь к пустынной тенистой аллее. Тогда-то и вспоминаю, что не позвонила нашему водителю.

Вот ведь растяпа!

Перекладываю увесистый букет жениха из одной руки в другую, достаю из сумочки смартфон. Уже намереваюсь набрать Семёна, однако в эту же секунду кто-то хватает меня сзади.

– Отпустите! Что происходит? Помогите! – пытаюсь закричать, но мне тут же бесцеремонно затыкают рот.

В неравной борьбе роняю цветы на землю. Выskalзывает из пальцев, к сожалению, и телефон.

– Ммм!

В панике брыкаюсь, пока неизвестный тащит меня к машине, припаркованной у тротуара неподалёку. Там нас поджидает второй человек. На нём тёмная одежда, маска. И едва я подмечаю эту деталь, моё сердце, гулко стукнувшись о грудную клетку, пропускает удар.

– Нет-нет-нет! – мычу, упираюсь руками, машу ногами. Теряю туфлю.

Соппротивляюсь, но всё равно оказываюсь в салоне чёрного авто. Внезапно перестаю видеть и теряюсь в пространстве.

Предпринимаю попытку наощупь выбраться через другую дверь, но ничего не получается.

Кричу от безысходности.

– Заткни её. Там прохожие в конце улицы. По ходу срисовали нас.

– Тихо ты, резвая, успокойся! – мои движения опять ограничивают. – Иначе получишь пулю, прямо сюда.

Замираю, ощущая нечто, давящее на рёбра. Нечто, очень похожее на пистолет...

В горле мгновенно пересыхает.

Кровь набатом стучит в висках.

Мамочки!

Сглатываю.

– Ну вот и молодец, – раздаётся над ухом. – А теперь, подыши-ка...

Носа касается тряпка. Она пахнет каким-то медицинским лекарством и заставляет глаза слезиться.

Сильные мужские руки стискивают меня мёртвой хваткой. Не позволяют вырваться..

Отчаяние бьётся внутри истерикой.

Обуреваемая страхом, завладевшим каждой клеточкой моего организма, непроизвольно делаю один глубокий вдох за другим и через какой-то промежуток времени начинаю уплывать из реальности. Проваливаясь в кромешную темноту...

Глава 1

Настя

Не могу сказать через какой период времени прихожу в сознание. Кисти связаны между собой. Голова раскалывается от боли и кружится словно после карусели.

Я ничего не вижу. Однако вскоре понимаю, что машина больше никуда не едет.

– Чисто? – мужской голос раздаётся совсем рядом.

– Да, – отвечают ему.

– Ну давай, прима...

Судя по звуку вроде как открывается дверь авто.

– Прошу на выход.

Меня подхватывают за подмышки, а несколько секунд спустя стопы, затянутые в тонкие капроновые гольфы, утопают в песке.

Где мои туфли?

– Идём, – чужие руки волокут вперёд.

Переставляю непослушные ноги, совершенно не понимая, куда двигаюсь. Сложно ориентироваться в пространстве, когда на глазах повязка, а мозг не в состоянии нормально функционировать.

– Ммм...

– Резче, а! Чё ты с ней церемонишься!

– Да она никакая.

– А мне плевать. Время поджимает. Её уже ищут, – меня резко дёргают за предплечье.

– Шевелись!

Делаю, как говорят. Сама же параллельно пытаюсь уловить фоновые звуки.

Волны шумят. Где-то неподалёку кричат чайки, и это позволяет сделать вывод о том, что мы находимся у моря. На побережье.

Её уже ищут.

Да. Обязательно будут искать, но разве могу я ждать? А что, если эти люди хотят меня убить?

Так страшно вдруг становится. Не то, чтобы я никогда не задумывалась о смерти, но погибнуть, не поборовшись за свою жизнь, всё равно что добровольно сдать в плен врагам.

Мотнув головой, недолго думая, имитирую обморок. Оседаю на колени, падаю на бок. Среагировать мой конвоир не успевает.

– Какого чёрта?

Пальцами левой руки незаметно загребаю в кулак порцию песка.

– Что с ней?

– Эээ, алё! – разворачивают. Получаю по щекам.

Повязка чуточку сползает, и этого оказывается достаточно для того, чтобы я решилась...

Сейчас или никогда. Второго шанса может и не представиться.

Песок летит похитителю в лицо.

Пока он шипит и прижимает ладони к глазам, я, вскочив, бегу в сторону леса. Бегу – это, конечно, очень условно. Ощуцаю себя дико заторможенной и отвратительно неуклюжей.

– Лови эту дрянь! Не дай ей уйти!

К сожалению, уже через несколько метров я лечу вниз.

– Далеко собралась? – тяжёлое тело придавливает меня к земле.

– Нет-нет-нет! – пытаюсь выбраться.

– Угомонись!

– Отпусти! Отпустиии меня!

– Хватит!

– Кто вы такие? – заплетающимся языком кричу в отчаянии. – Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь, помогите мне!

– Замолчи.

– Отпусти! Отпусти!

– Не зли его, будет только хуже!

– Что вам от меня надо? Что?

Продолжаю сопротивляться. До тех пор, пока не замечаю обувь прямо перед своим носом.

– Хочешь, чтобы я выстрелил?

По характерному щелчку понимаю, что на меня снова направлен пистолет.

Замираю, не рискуя поднять головы.

– То-то же. И не рыпайся мне больше! Поняла? Иначе будем говорить по-другому!

Киваю. Закусываю губу.

Как горько. Не состоялся мой побег. Не смогла...

– Поднимай её. Нужно валить отсюда.

Меня в очередной раз словно куклу ставят на ноги. Возвращают повязку на место, и я вновь перестаю что-либо видеть.

Молодые. Отпечатывается в мозгу.

Черты лица разглядеть не успеваю, но эту деталь выделяю точно.

– Пикнешь – и останешься тут навсегда! Шагай давай!

Выполняю требование. Вслепую ступаю по песку, но вскоре он заканчивается, и поверхность меняется. Сперва она похожа на обычную землю, потом сменяется подобием травы и мелких веточек, а после становится твёрдой и шероховатой.

– Ступеньки, – предупреждает тот, кто меня ведёт.

Однако я всё равно спотыкаюсь и удерживаюсь на ногах только благодаря ему.

– Сказали же тебе, тупица, ступеньки! – опять выходит из себя агрессор, получивший в морду порцию песка.

Куда-то заходим?

Несколько шагов. Останавливаемся.

– Открывай.

– Ключи.

Переговариваются. Гремят связкой, а потом она будто пролетает мимо.

Щелчок. Один. Другой.

Отвратительный скрежет раздражает перепонки.

Зато по эху теперь точно определяю, что мы в помещении.

– Вниз пойдём, – инструктируют меня.

– А ты толкни её. Докатится, – мерзко смеётся его поделник.

Инстинктивно крепче цепляюсь за руку парня. Ожидая, что именно это и произойдёт.

– Спускайся сама, – будто почувствовав моё волнение, говорит он.

И я спускаюсь...

Зачем-то считаю ступеньки. Да только их так много, что вскоре я попросту сбиваюсь со счёта.

Принюхиваюсь. Пахнет сыростью.

Дышать тяжелее. Кислорода как будто меньше становится.

Мы под землёй? Что это за место?

Мурашки ползут по коже, когда бесконечная винтовая лестница заканчивается.

Опять этот скрежет. Открываются какие-то двери. И не одни.

– Анастасия, добро пожаловать! – звучит издевательски-торжественным тоном. – Размещайся и ни в чём себе не отказывай! Будь, что называется, как дома!

Меня отпускают, подталкивают вперёд, но я не спешу предпринимать какие-либо действия. Ожидаю подвоха, естественно.

– Сразу скажу: глотку надрывать бессмысленно. Никто тебя здесь не услышит. Усекла? Он явно ждёт ответа.

А я упрямо молчу.

– Усекла, я спрашиваю? – повторяет громче.

– Что вам нужно? – пытаюсь обхватить ладонями обнажённые плечи.

– А что ты можешь дать? – недвусмысленно уточняет, делая акцент на последнем слове.

– Мой отец вас уничтожит, когда найдёт, – цежу сквозь зубы.

– Да-да, пусть сначала это сделает, – давит усмешку.

– Вам нужны деньги? Выкуп? – выдаю своё предположение.

– Моя ж ты догадливая!

– Ничего вы не получите!

– Своё получим, не сомневайся.

– Вы даже не представляете, с кем связались!

– Всё, харэ трещать! Ты меня достала.

– Мы идём, нет? – недовольно подгоняет его второй. В наш диалог он до этого не вмешивался, из чего предполагаю, что главным является как раз тот, кто мне максимально неприятен. И это – плохо.

– Да. Не скучай, Анастасия, – пытается потрепать меня за щёку, и я, резко дёрнувшись в сторону, во что-то врезаюсь бедром.

– Осторожнее. Покалечишься, лебедь, – прилетает язвительный комментарий. После чего помещение снова заполняет его отвратительный шакалий смех.

Потираю ушибленное место.

Ну что за ублюдок!

Слушаю звук удаляющихся шагов. Протяжный скрип закрывающейся двери. И только тогда, когда тишина становится абсолютной, осмеливаюсь стащить повязку.

Темнота.

Ненавижу её.

Боюсь с детства.

Часто дышу, и сердце в эти секунды колотится с бешеной скоростью.

Спокойно, Насть. Спокойно.

Проморгавшись, жду восстановления чёткости зрения, но помогает это мало.

Двигаюсь влево. Наощупь. Дотрагиваюсь ладонью до стены. Бетон. Как и на полу.

Чёрт возьми, где же я?

То и дело на что-то натыкаясь, медленно обхожу просторную комнату.

По периметру обнаруживаются две двери. Одна массивная с толстой длинной выгнутой ручкой. (Похоже, та, через которую мы вошли). Вторая напоминает обычную, стандартную. Но я не готова прямо сейчас узнать, что или кто находится за ней...

Вздрагиваю, беспомощно прислонившись спиной к холодной стене.

Глубокий вдох-выдох.

Опять прислушиваюсь.

Всматриваюсь в пугающую черноту.

Мерещится всякое...

Паникую.

Утираю проступивший пот со лба.

Господи! Папочка, прошу тебя, найди меня как можно скорее!

Отвратительно, когда ты не способен хоть как-то ориентироваться во времени. Я не понимаю, прошли минуты или часы? И сколько таковых в сумме...

Головная боль усиливается. Я всё больше мёрзну. Однако это не идёт ни в какое сравнение с тем, что я чувствую, сидя в крошечной тьме.

Тревога.

Беспокойство.

Первобытный страх.

Мысли путаются. Думать о чём-либо крайне затруднительно. Мешает излишне развитое воображение, буквально кричащее о том, что мрак скрывает некие ужасные вещи.

И плевать, что давно взрослая.

Боюсь... Очень боюсь.

До дрожи в коленях. До тремора в онемевших конечностях. До гадкого приступа удушья.

Клянусь, будто чьи-то невидимые руки сдавливают горло.

Мне очень плохо.

Вот вам ещё одно доказательство того, что я так и не выиграла эту битву. Не сумела побороть свою детскую фобию. Провал. Хотя кого я обманываю? Что это была за борьба такая, если я по сей день засыпаю с ночником?

Стыдно.

Грею ледяные ладони друг о друга. Зажмуриваюсь до цветных кругов перед глазами.

Отчаянно хочется вдруг проснуться и с облегчением выдохнув, осознать, что это был всего лишь дурной сон.

Но какое там...

Я, испуганная и совершенно разбитая, лежу не в своей кровати, а на бетонном полу.

Ожидание затягивается. Моё состояние ухудшается. Все чувства восприятия действительности обостряются до предела. Оголён каждый нерв.

Что сейчас? Ночь? Утро? День?

Когда кажется, что уже никто не придёт, случается это: я слышу, как кто-то открывает тяжёлую дверь. Слышу, насколько реально происходящее, до конца не осознаю. По крайней мере, до того момента, как в стену ударяет луч спасительного света.

– Вот дура! Так и думал, что не допрёт.

Узнаю этот голос.

– Ээ, алё! Недалёкая, тут кровать есть. Какого ляда ты разлеглась на полу?

– Девчонка выглядит болезненно бледной, – говорит второй.

– Ну так ревела-истерила. Посмотри на неё. Эу! Подъём! – тычет мне в живот носком кроссовка.

– Чё ты делаешь?

– Проверяю, не скопытнулась ли наша Настенька раньше положенного, – приседает на корточки и светит мне фонарём в лицо.

Ослепнув, непроизвольно морщусь.

– Поднимайся давай! Ну!

Принимаю сидячее положение.

– Пожрать тебе принесли, принцесса.

Вижу, как ставит что-то на пол.

Он издевается?

На самом деле думает, что у меня есть аппетит?

Отталкиваю от себя ногой лоток. Так резко, что он отлетает и переворачивается.

– Ты охренела, дрянь? – наклоняется и больно хватает меня за руку. – Будешь давиться просроченными консервами. Поняла меня?

– Отвали от неё. Чего ты ожидал? – вмешивается его сообщник.

– Собираешься с ней нянчиться? Лично я – нет!

– Не хочет есть – пусть не ест.

– Ну посмотрим, долго ли протянет, – разжимает пальцы, освобождая кисть, зажатую словно в тиски.

Смотрим друг на друга. И взгляды эти выражают обоюдную неприязнь.

Всё его лицо закрыто чёрной тканевой балаклавой, но конкретно в этом случае, мне, пожалуй, достаточно видеть лишь глаза, чтобы понимать: человек меня люто ненавидит.

Знать бы за что...

– Сам, короче, с ней возись, – сплёвывает на пол и уходит.

Урод.

Поджимаю ноги к груди. Отмечаю про себя, что некогда белоснежный комбинезон безвозвратно испорчен. Грязный. Дырка на коленке.

Смешно. Это сейчас едва ли важно...

Прислоняюсь затылком к стене.

– Вы уже связались с моим отцом? – интересуюсь, когда остаёмся вдвоём с Адекватным.

– Не задавай мне таких вопросов.

– Из вас двоих ты кажешься наиболее здравомыслящим...

– Не торопилась бы с выводами, – перебивает, не позволяя закончить.

Обнимаю себя руками. Нахмурившись, внимательно его рассматриваю.

Высокий. Спортивного телосложения. Одет по-простому: джинсы, футболка, кеды. Лицо, как и у подельника, полностью закрыто балаклавой. Видно только глаза и губы.

– В шкафу есть тёплая одежда, – сообщает он.

Наверное, по моей закрытой позе определил, что мне холодно. А я и правда жутко замёрзла. Прележала на полу энное количество времени. Зуб на зуб не попадает.

– В соседней комнате стоит кровать. Туалет и душ найдёшь там же.

Туалет. Я бы с удовольствием им воспользовалась. Давно терплю.

– Вода тут есть, с электричеством проблемы.

– Как долго вы собираетесь держать меня здесь?

– Я уже сказал тебе, не задавай лишних вопросов, – повторяет сухо.

– Имею право, – отражаю своенравно.

– О правах забудь, ты не в том положении.

– Да в каком бы положении я не была...

– Будешь злить его – сделаешь себе только хуже.

– А куда хуже? – усмехаюсь, качая головой. – Убьёте? Уже убивали кого-то? М?

Сама не понимаю, зачем его провоцирую. Глупо, да, но откуда-то во мне есть идиотская уверенность в том, что он... не обидит. Как тот, другой.

– Просто делай то, что тебе говорят. Финт с едой к чему был?

– Скажи, у тебя есть родители?

Молчит.

– Ты хоть представляешь, как сильно они за меня сейчас переживают?

– Кончай давить на совесть.

– Ничего святого! – всё же бросаю в сердцах.

– А твой отец святой, значит... – цедит сквозь зубы.

– Людей он не похищает!

– Свернём этот бессмысленный разговор. Иди проверь, что с водой.

«Иди. Проверь»

Как сидела, так и сижу. Ещё и поворачиваю голову вправо. Даю понять, что с места не сдвинусь.

– Ну ясно.

Пучок света меняет траекторию.

Он собирается уходить.

– Подожди! – кричу, испугавшись того, что снова останусь одна в темноте.

Оборачивается.

– Фонарик. Оставь его... Пожалуйста.

Глава 2

Со светом приходит нужное мне спокойствие, и я отправляюсь исследовать территорию. Начинаю со шкафа, стоящего в углу. И действительно нахожу там вещи, о которых упоминал один из похитителей. Вещи, кстати, мужские, но в моей ситуации особо выбирать не приходится.

Расстёгиваю боковую молнию и снимаю с себя убитый комбинезон. Так жалко... Кучу денег за него отвалила. Дизайнерская вещица. Была.

Оставшись в одном белье, вздрагиваю от холода, пронизывающего до костей. Такое ощущение, что в этом чёртовом подвальном помещении температура опустилась ещё на несколько градусов.

Интересно, такое возможно?

Натягиваю спортивные штаны и тёплые шерстяные носки. Беру фонарик. Прихватив с собой майку с толстовкой, направляюсь к двери. Было сказано, что там есть вода. Она-то мне сейчас и необходима. Волосы ведь до сих пор в геле и лаке. Ощущения из-за этого отвратительные.

Решительно кладу пальцы на ручку. Сперва прислушиваюсь. Потом трусливо заглядываю, держа источник света перед собой, и лишь после, не обнаружив там чьего-либо присутствия, захожу.

Эта комната намного меньше предыдущей. У правой стены, «украшенной» красным совдеповским ковром, стоит кровать с тумбочкой. По соседству с ней стул. У левой – письменный стол и полка с книгами.

Двигаюсь дальше. Поборов страх, открываю ещё одну дверь. Там обнаруживается то, что я искала: унитаз и раковина.

Осматриваюсь.

Стены и пол выложены старомодной плиткой. Мелкой такой, квадратиками.

Отодвигаю в сторону шелестящую шторку с прыгающими по волнам дельфинами и тут же начинаю чихать от разлетевшейся повсюду пыли. Зато теперь вижу душ. Точнее его подобие. Но куда важнее сейчас возможность справить нужду.

Дёргаю вверх за чёрный шарик. Система слива, на удивление, работает. Правда бачок при наборе новой порции воды начинает странно посвистывать.

Подхожу к замызанному зеркалу и ужасаюсь своему отражению. Потому что там я вижу худшую версию себя. Макияж поплыл. Под глазами чёрные круги.

Жуть жуткая просто.

Поворачиваю кран. Оттуда, фырча, выбегает вода тёмно-оранжевого цвета. Аналогичная ситуация с лейкой от душа. Может, из-за ржавчины в трубах, не знаю. Зрелище так себе. В общем и целом складывается впечатление о том, что жили здесь очень давно. Если вообще жили...

Жду пока стечёт. Проверяю в этот момент содержимое подвесного шкафчика, тоже явно сохранившегося с советских времён. Достая ёмкость жёлтого цвета с красной крышечкой. Шампунь «Кря-кря» гласит название, под которым нарисован чересчур позитивный на вид утёнок.

Я такого шампуня, если честно, никогда не видела. Почему – выясняется позже, когда обнаруживаю на флаконе дату производства.

Поверить невозможно, но этот самый детский «Кря-кря» был выпущен Болгарией в конце восьмидесятых.

Любопытство вынуждает посмотреть год изготовления и на других косметических продуктах. Зубной порошок, например, старше меня. Как и ватные палочки.

Нахмурившись, со скрипом закрываю дверцу шкафчика. Раздражённо вздохнув, распечатываю упаковку с мылом.

– Земляничное. Что ж, ладно, – вздыхаю и, зафиксировав фонарь на краю раковины, принимаюсь за дело.

Умываюсь. Привычный ритуал выходит невероятно сложным. Не хочется предполагать, что будет с моей кожей после подобных процедур, но, думаю, за слой несвежей декоративки она мне тоже спасибо не скажет.

Снова смотрю на себя в зеркало.

Панда.

Повторяю всё заново. Под конец с сожалением осознаю, что горячей вода не стала. (И, похоже, не станет).

К процессу мытья головы подхожу с большой неохотой, но всё же, стиснув зубы, терплю. Намыливаю шевелюру тем самым утиным шампунем и молю Господа о том, чтобы не остаться лысой. Пахнет это средство жвачкой, но кто его знает, что с ним за эти годы могло произойти...

Чёрт. Как же холодно, брррр! А купаться, интересно, как? Вдруг придётся? Неизвестно сколько по времени собираются держать меня здесь эти двое.

Сдёргиваю полотенце с крючка. Подсушиваю. Зажимаю его коленками. Поёжившись от соприкосновения мокрых кончиков с кожей, натягиваю на себя майку и толстовку. Быстрее закутываю волосы, сооружая тюрбан.

Иду до кровати, застеленной клетчатым пледом. Лечь или даже просто сесть на неё не даёт то самое чувство брезгливости. Закрадываются подозрения. А вдруг кто-то там уже спал?

Поразмыслив, лезу в прикроватную тумбочку и с облегчением выдыхаю, стянув из стопки новое постельное бельё. Опять же с эсэсэсэровской картоновой биркой. Такие комплекты я когда-то видела у своей бабушки. Она у нас та ещё любительница собирать мне «приданное».

Одеваю на подушку наволочку. Очень долго воюю с противным, не поддающимся дрессировке пододеяльником. Никогда этим не занималась. В нашем доме подобные вещи всегда делала Таня, одна из домработниц.

Кое-как застелив постель, отправляюсь на дальнейший обзор этого ужасного местечка. Меня как будто машина времени перенесла назад. На полке обнаруживаю выпуски журналов: «Мурзилка», «Юность» «Огонёк», «Крестьянка», «За рулём». Радужную пружинку, известную любому ребёнку. Одеколоны «Красная Москва», «Тройной».

Чьи? – думается мне, пока пальцы ощупывают выдавшего виды грустного Чебурашку.

Сажаю его обратно на полку. Бегло прохожусь глазами по корешкам книг. Михаил Шолохов, Жюль Верн, Александр Беляев, Герберт Уэллс, Александр Дюма, Агата Кристи, Стивен Кинг, Колин Маккалоу.

Странная подборка, если честно... Мужские это или женские предпочтения вот так сразу и не разберёшь.

Вытираю ладони о штаны. Возвращаюсь к постели. На этот раз, сбросив носки на пол, забираюсь туда с ногами. По итогу, замёрзнув, всё-таки ныряю под одеяло целиком. Подтягиваю его до самых ушей, наплевав на своеобразный запах, так и норовящий забраться в ноздри.

Двигаюсь ближе к стеночке. Выпрошенный у парня фонарик кладу рядом. Перед этим уменьшаю на нём яркость и направляю пучок света в сторону двери, чтобы обязательно контролировать происходящее.

Делаю глубокий вдох. Выдох.

Трижды.

Тени на потолке меня пугают, а звук капающей из крана воды вскоре начинает раздражать.

Случайно натыкаюсь взглядом на депрессивного Чебурашку. Клянусь, кажется, что он смотрит прямо на меня. Вроде как чушь, но так дико не по себе...

Глаза опять непроизвольно наполняются слезами.

Я не истеричка и не плакса, нет. Вот только чем больше я тут нахожусь, тем страшнее мне становится.

Нормально заснуть так и не выходит. Пребывая в состоянии стресса, мозг просто-напросто отказывается отключаться. Я вроде и дремала, и нет. Толком сама не понимаю.

Когда снова выплываю в реальность, обнаруживаю себя у ковра. Ощущаю странную слабость в теле. Живот урчит. Кожу лица от мыла нещадно стянуло. Волосы, которые до сих пор не высохли, неприятно липнут к шее. Одно радует: фонарик работает. Я не в темноте.

Перемещаюсь к краю. Потираю глаза и обеспокоенно осматриваюсь. Напрягаюсь, уловив какой-то шум, но потом оказывается, что мне померещилось.

Тихо.

Капает вода из-под крана.

Я по-прежнему одна.

Бросаю затравленный взгляд на потолок. Стараюсь не думать о тенях и себя не накручивать, да только вот всё равно на ум приходят всякие дурацкие страшилки. Глупо, учитывая моё состояние, но что поделать, фобия – вещь неподконтрольная...

Принимаю сидячее положение. Натягиваю одеяло до подбородка. Стараюсь себя успокоить, однако мысли вновь возвращаются к родителям. Опять обессиленно зарыдать хочется. Вспоминаю нашу последнюю совместную поездку на Бали. Солнечный пляж. Ласковый океан. Мамин смех. Извечное ворчание отца.

Это были самые чудесные семь дней в моей жизни! Вдали от цивилизации. Вдали от всех. Мы были вместе. Мы были одной семьёй, прямо как раньше...

Честно сказать, с тех пор как отец получил пост губернатора, подобные поездки случались крайне редко. Обычно мы путешествовали с мамой вдвоём, а папа работал. Он постоянно работал...

Сглатываю и с досадой отмечаю тот факт, что у меня болит горло.

Привет хроническому тонзиллиту. Чуть что – сразу миндалины воспаляются. Гадай теперь в чём причина. То ли это последствия моего пребывания в холодном подвале. То ли от партнёра заразилась (Олег пришёл на генеральную репетицию и выступление с букетом симптомов ОРЗ).

Прикладываю ладонь ко лбу. Как и предполагалось, он довольно горячий. Похоже, я и правда заболела.

Ну супер. Только этого не хватало.

Была бы я дома, наша помощница Таня уже бы вовсю порхала надо мной. Принесла бы горячий чай с лимоном и ту свою чудную спасительную микстуру, благодаря которой пару дней спустя ты снова чувствуешь себя огурчиком.

А ещё обязательно меня проведать пришёл бы отец. Совестно признаваться, но в детстве, преследуя именно эту цель, я частенько заболела нарочно. Ела мороженое на холоде или ходила без шапки в мороз.

Видеть папу рядом с собой почаще. Вот и всё, чего я хотела...

Непроизвольно вздрагиваю, когда слышу скрип и скрежет. На этот раз точно.

Обняв себя за ноги, жду того момента, когда кто-то войдёт в эту маленькую комнату. А потом вдруг резко мозг взрывает горячая мысль: какого чёрта? Я должна попытаться что-то предпринять. Нельзя просто сидеть и мириться с тем, что меня украли.

Врубаю фонарик на всю. Направляю пучок света в нужную точку. Вскочив с постели, хватаю табуретку, стоящую у тумбочки, и прячусь в угол за дверь.

Слушаю, как по ту сторону раздаются шаги. Поднимаю вверх табуретку и покрепче сжимаю дрожащими пальцами ножки.

Руки трясутся, сердце оголтело колотится в бешеном ритме.

Ударить и бежать отсюда. Примерно таким я вижу свой спонтанный и необдуманный план.

Зажмуриваюсь от света фонарика.

Секунда. Две. Три.

Распахнув глаза, рвано выдыхаю.

Вошедший, прикрыв лицо рукой, проходит вперёд.

Не мешкая, замахиwaюсь и бью изо всех сил.

О Господи! Ударила человека, я ударила человека! Прямо по голове.

Пострадавший не падает, но заминка случается. Воспользовавшись его дезориентацией, выбегаю в соседнее помещение. Направляюсь к массивной, металлической двери. Тяну на себя и не могу поверить в собственное везение.

Открыто! Открыто! Открыто!

Внезапно словно второе дыхание открывается. Почувствовав прилив адреналина и невероятной эйфории, бегу по тёмному коридору так быстро, как умею.

Дверь.

Ещё одна.

Спотыкаюсь. Судя по всему, наконец выбираюсь к лестнице, однако едва это происходит, меня тут же безжалостно сшибают с ног. Лицом вниз лечу на бетонные ступеньки, в последнее мгновение успев выставить руку вперёд.

– Нет-нет-нет! Отпусти! Помогите! – кричу. Сопровствляюсь. Дерусь руками и ногами. – Отпусти меня! Отпусти!

Молча тащит назад, и мои надежды в очередной раз превращаются в пыль.

– Нет... Не надо, прошу... – грудь разрывает от кипящей досады. – Отпусти!

Конечно он в разы сильнее и мои жалкие потуги бороться с ним – курам на смех, однако я не оставляю попыток. До тех самых пор, пока не оказываюсь всё на той же кровати.

– Сволочь! Какая сволочь! Нелюдь! – сморгнув слёзы с ресниц, ругаюсь громко.

– Успокоилась! – приказывает, стиснув мои запястья.

На лице балаклава, глаза полыхают злобой и недовольством.

Боюсь и одновременно с этим испытываю дискомфорт оттого, что он так близко. Опускаю взгляд. Непроизвольно замираю, замечая крупный шрам на правом предплечье.

Затихнув, пытаюсь рассмотреть получше. Почему-то мне кажется, будто где-то я его уже видела.

– Откуда это у тебя? – осмеливаюсь спросить.

Ослабив хватку, отпускает. Отступает назад. На секунду мне кажется, что он растерялся.

– Ещё раз выкинешь нечто подобное, – игнорируя мой вопрос, кивает в сторону валяющейся на полу табуретки, – пожалеешь.

– Кто вы такие?

– Свет забираю с собой.

– Нет, пожалуйста, только не это! – выдавая свой страх, почти умоляю.

Ползу, чтобы схватить фонарик, но он меня опережает...

Глава 3

Данила

два месяца назад

– Чуешь, Клим? – Денис машет руками и шумно втягивает носом воздух.

– Чё?

– Чё-чё, – раздражённо цокает языком. – Запах своей свободы чуешь?

– Ты про это, – срываю травинку и зажимаю её губами.

– Ну конечно про это! Считанные дни – и ты свалишь отсюда. Счастливый блин человек! – он расстроенно вздыхает.

Счастливый ли?

– Что делать будешь? Мыслишки есть? – толкает меня локтем в бок, хоть и знает, что я терпеть этого не могу.

– Куда-нибудь на море двину.

– Море, пфф, – повторяет Ивонин, качая головой. – И чё там хорошего? Я вот ни разу его не видел и как-то не страдаю. Не тянет совершенно.

– Не тянет, потому что ты там не был.

– Ну может, – пожимая плечом, соглашается он неохотно.

– Так и знала, что вы здесь! – приближаясь к нам, вопит на всю поляну Маринка.

– О, явилась. Швец, ты чё опять юбку надеть забыла? – кричит ей Денис.

– Очки протри, имбецил.

Девчонка вытягивает руку и демонстрирует ему средний палец.

– Шлэндра, – подытоживает он, облизывая взглядом её фигуру. – Но хороша, зараза.

Тут не поспоришь. Швец у нас в негласном мужском рейтинге по всем параметрам номер один.

– Давно запал? – ухмыляюсь, глядя на него.

– Не пори херню. Это же Швец.

– Ну так подкатил бы. Всем даёт и тебе даст.

– Я не ты, мне не перепадёт, – бросает он, насупившись.

– Ивонин, ты себя видел? Естественно не перепадёт, – фыркает Маринка, козой скачущая по траве.

– Да нужна ты мне триста лет, – заливаясь краской, резонирует он.

– Ну вот и закрой свой рот. Гланды простудишь. Клим, я за тобой, – запыхавшись, останавливается напротив. – Тебя Глотка ищет. Велела немедленно явиться к ней.

– Зачем? Насчёт драки? – даже не двигаюсь с места.

– Вроде как брат твой объявился, повариха растрепала по секрету.

Мой взгляд, сосредоточенный до этой секунды на голых Маринкиных ляжках, быстро ползёт вверх и фокусируется на её лице.

– Что ты сказала?

– Идём говорю, – тянет меня за руку, вынуждая подняться с травы.

Десять минут спустя я стою у кабинета директора нашего детского дома. Стучу кулаком по деревянной поверхности и в нетерпении открываю дверь.

– Здравсьте, – вхожу без приглашения.

– Климов, ты почему не на консультации? – начинает орать с порога Глотова. – Завтра экзамен по математике, ты в курсе?

– В курсе, – отражаю спокойно. – Вы меня искали?

– Сядь, – недовольно поджимает губы. Стучит маникюром по столу. – Новости для тебя есть.

- Начните с плохой, – закидываю ногу на ногу.
- За драку с Зуевым тебя ждёт наказание. Берёшь метлу и помогаешь Ивану Алексеевичу.
- С пяти до семи утра, – сообщает она строго.
- И как долго?
- Пять дней подряд!
- Приплыли... Да и плевать.*
- А как насчёт хорошей новости, Ольга Сергеевна...
- Через две недели едешь домой. На поезде. Вот твой билет, – кладёт передо мной лист А4, на который я растерянно смотрю. – Там на вокзале тебя встретит Егор. Сегодня он звонил мне.
- Через две недели ты едешь домой. На поезде. Вот твой билет.*
- Офигеть. Не верится даже.
- Паспорт получишь в день отъезда, пока пусть побудет у меня. И Дань... Совет дам один. Может и не осталось у тебя никого кроме брата, но будь с ним поосторожнее.
- Сам разберусь, – выдёргиваю лист из её пальцев и поднимаюсь со скрипучего стула.
- Оступиться очень легко, Климов.
- На что намекаете? – прищуриваюсь.
- Вы не виделись семь лет. Шесть из них он провёл в местах не столь отдалённых. Имея такой опыт...
- Если сидел, то всё, не человек? – резко её перебиваю.
- Директриса снимает очки, потирает переносицу и обращает на меня усталый взор.
- При всех своих недостатках ты неплохой парень, Климов. Не хотелось бы, чтобы ты повторил судьбу Егора. Так яснее?
- Идти могу? – выжидающе на неё смотрю. Даю понять, что наш разговор окончен. Свою семью обсуждать с ней я не намерен.
- Иди, – вздохнув, открывает одну из папок. – Где метлу завтра взять помнишь?
- Помню.
- Я и метла – это нетленка. Вон даже на доске фотка есть.
- Выхожу в коридор, останавливаюсь и внимательно читаю информацию, указанную в электронном билете. Запоминаю дату, время, номер поезда.
- Ну и че там, Дань? – Маринка подходит ко мне, лениво пожёвывая жвачку. – Билет? – заглядывает в бумажку. – Охереть, ты уезжаешь через две недели?
- Да.
- Складываю листок и убираю в карман.
- Ммм, – запрыгивает на подоконник и, вытянув ноги, отворачивается к стеклу.
- Зуева видела после вчерашнего?
- Нет, не видела, – цедит сквозь зубы.
- А в столовке что на обед было?
- Она молчит.
- Швец, ты чего? – стискиваю лодыжку. – Красные дни пришли?
- Обычно именно в этот период у девчонок без причины срывает крышу.
- Дурак! Отвали! – её голос дрожит.
- Эу, алё, чё моросишь?
- А ты не понимаешь? – поворачивается и отталкивает меня, психанув.
- Нет, поясни.
- Её истерика озадачивает. Я никогда не видел Марину плачущей... Хотя может, просто не обращал внимания?
- Ты укажишь в этот свой Хреноморск, а я? – выдаёт вдруг обиженно.
- Подожди. Суть претензии?

– Тебе вообще всё равно? – выпаливает зло.

Вон оно что.

– Мари, ты классная, и всё было круто, – вытираю большим пальцем влагу с её щеки.

– Было круто и...? – явно ждёт какого-то продолжения.

– И я думаю, ты с лёгкостью найдёшь мне замену.

Сколько себя помню, столько Швеc умело крутит не только задницей, но и пацанами.

– Конечно найду, не сомневайся! – шмыгает носом. – Я в Москву поеду, ясно?

– С такими данными только туда и дорога, – поддерживаю на полном серьёзе.

– Найду себе богатого мужика и буду жить припеваючи! Даже не вспомню про всю эту нищету и вас, оборванцев! – обещает ядовито.

– Твои слова да Богу в уши, Марин, – щёлкаю по носу.

Смотрим друг на друга. Улыбаюсь.

– Ждать тебя сегодня после отбоя на чердаке или прямо сейчас расстанемся? – обнимает меня за шею и хитро заглядывает в глаза.

– Ждать, – подмигиваю ей.

– Козёл ты, Даня, – качает головой. – Но по тебе и твоей змее я буду скучать больше всего.

Ржу, зарываясь пальцами в её волосы.

– Я про твою татуху, придурок, – тоже прыскает от смеха, но перестаёт хохотать, когда наши губы встречаются.

Забираюсь под юбку, поглаживаю бедро. Маринка крепко сжимает мой торс ногами и отдаётся поцелую со свойственной ей страстью.

– КЛИМОВ! ШВЕЦ! – доносится до нас разгневанный голос директрисы. – Совсем стыд потеряли? Отставить разврат!

Медленно отлипаю от девчонки.

– Попрощаться-то с ним можно? – Маринка одёргивает юбку.

– Напрощаетесь, чувствую. Оставит тебе на память Клим-младшего. Что будешь делать? Понесёшь в дом малютки?

Швец матерится и раздражённо цокает языком.

– Ничему вас жизнь не учит! – возмущается Сергеевна.

– Ой, вам не надоело нудить? – Маринка взбивает пальцами шевелюру. – Идите домой к мужу, займитесь с ним чем-нибудь полезным. Давно пора своих детей воспитывать, а не чужих.

Громко хлопает дверь.

– На хрена ты...

– А нечего меня затрагивать! И вообще, ты на моей стороне или на чьей? – со всей дури лупит в плечо.

– Давить на больное необязательно, Марин. Ты же знаешь, что у них проблемы в семье.

– А насрать мне! – кричит на весь коридор. – Ей же насрать! Она с лёгкостью напоминает нам о том, что мы – люди второго сорта. Так почему я должна молчать? – хватает свою сумку с подоконника и фурией несётся к распахнутой настежь двери.

По опыту знаю, лучше сейчас её не трогать. Пусть перекипит, поостынет, успокоится.

Иду на улицу следом, присаживаюсь на ступеньки и снова достаю билет. Кручу его в руках. По новой перечитываю. Дважды.

Через две недели я буду дома. Через две недели начнётся новая жизнь...

В день отъезда просыпаюсь очень рано. Долго лежу, тупо уставившись бесцельным взором в потрескавшийся потолок. Предпринимаю попытку уснуть, но у меня, естественно, не получается. Причина идиотская. Слишком много мыслей и переживаний, мне не свойственных.

Как сейчас выглядит мой брат? Узнаю ли я его? Будет ли он рад мне? И как вообще пройдёт наша встреча?

Задержав дыхание, поднимаюсь с постели. Едва сдерживаю стон. Прикрываю глаза на несколько секунд и стискиваю зубы до хруста. Смиренно жду, когда утихнет боль.

Да уж. Отпинали меня накануне старательно. Зуеву, спасибо. Отомстил чужими руками-ногами на совесть. Пятеро на одного. Какие-то местные амбалы, уж не знаю, откуда он с ними знаком...

Тогда, потерпев поражение в неравной борьбе, я очутился на земле. В какое-то мгновение даже подумалось, что больше не встану и дом родной так и не увижу. Очевидно, это и случилось бы, если бы не вышеупомянутый Зуев. Тот ведь ссыкло, каких поискать. Потому и тормознул вовремя свою «крышу». Наперёд зная о возможных последствиях...

Прижимая ладонь к ноющему ребру, тянусь за шмотками, висящими на спинке стула. Одевшись и обувшись, покидаю спальню, в узких стенах которой храпом ведут диалог Ивонин и Никифоров. Спускаюсь вниз и выхожу на улицу.

Хорошо... Свежо.

От прохладного утреннего ветра открытые участки кожи моментом покрываются мурашками.

Зеваю, потирая глаза. Сонно приветствую Иваныча. Тот, по обычаю, активно трудится, подметая двор.

– Чего выперся ни свет, ни заря? – интересуется он, не отвлекаясь от процесса.

– Не спится, – признаюсь честно.

– Выглядишь дерьмово. Метлу не предлагаю.

Да уж. Я и сам, к собственному удивлению, рад бы отвлечься и принести пользу обществу, но работник из меня сегодня так себе.

– Уезжаешь, говорят? – спрашивает между делом.

– Да. Поезд в десять сорок.

– То-то Сергевна слёзы льёт третий дней подряд.

– Из-за меня, серьёзно? – уточняю, выгибая бровь.

– А из-за кого ж, – смещается чуть правее. – Вы с неё кровь литрами пьёте, а она за каждым потом убивается, как за своим.

Ощуаю укол совести. Проблем Гловой я принёс действительно немало.

– Чё, Дань, не терпится на волю?

Неопределённо веду плечом. Странно себя чувствую... Крайние лет десять я жил по расписанию и чётко знал, чего мне ожидать от дня грядущего. И вот, когда ты осознаёшь, что это закончилось, ощущаешь необъяснимую тревогу в груди. Потому что вообще не понимаешь, что будешь делать дальше.

– Главное, на зону не загреметь, Дань.

– Ты, Иваныч, на пару с Ольгой Сергевной решил меня обработать? – присаживаюсь прямо на землю и опираюсь спиной о широкий ствол дерева.

– Старика-то послушай. Знаю, о чём говорю. У самого сын попал вот так по неосторожности.

Замолкает, осекаясь. Видимо, решил, что сболтнул мне лишнего.

Последующие пару часов проводим в тишине, которую нарушает лишь шелест опавших листьев...

К восьми иду на завтрак. После – собираю рюкзак, в который вмещаются все мои вещи. Точнее те скромные, нехитрые пожитки, что удалось наскреести за годы пребывания в этом месте.

В девять тридцать к воротам подъезжает жёлтое такси. Сергевна озаботилась, решив, что обязательно должна сопроводить меня на вокзал.

– Пока, Дань! – прощаются со мной товарищи по несчастью.

Высыпали во двор шумной толпой. Провожают.

– Не теряем контакты, Клим.

– Давай!

– Удачи! – обмениваемся с парнями крепкими рукопожатиями.

– Данька, красавчик наш, ну пока! – утирая слёзы-сопли, лезут обниматься девчонки.

Все, кроме одной.

Швец под пристальным вниманием ребят демонстративно шагает мимо меня. Усаживается в машину к Ивониной и Гловой, хотя всё утро со мной не разговаривала.

Поди разбери этих женищин!

– Пока, – бросаю ещё один взгляд в сторону детского дома и направляюсь к такси, стараясь игнорировать зарождающееся чувство тоски в груди...

Никогда не думал, что буду испытывать нечто подобное. Впрочем, я ведь вырос здесь. Помимо дурного было много чего хорошего.

Память подгоняет всё до кучи. Вспоминаются часы нудной, навязанной учёбы.

Вспоминается, как в любую погоду гоняли мяч на спортплощадке с пацанами. И как там же дрались из-за какой-нибудь крали.

Как делили поровну всё то, что привозили меценаты.

Как взрослели и пробовали вместе что-то запретное.

Как отработывали бесконечные наказания и не спали ночами, собираясь в чьей-нибудь комнате для того, чтобы поиграть в картишки на раздевание.

Как скандалили с воспитателями, конфликтовали друг с другом и убегали прочь. Клялись, что не вернёмся, но возвращались.

Куда нам, сиротам, ещё деваться? Нас ведь никто за пределами детского дома не ждёт. Иначе, мы в нём не оказались бы...

Всю дорогу до вокзала Маринкина ладонь сжимает мою. Девчонка смотрит в окно и молчит, зато Ивонин-попугай тараторит без умолку. Щедро благодарит за оставленные ему «плюшки» и удобную кровать, на которой теперь собирается спать.

Приезжаем. Ольга Сергеевна подсказывает нужную платформу. Уже на перроне отдаёт мне паспорт и снова принимается читать наставления на будущее.

– Хватит вам, задолбали со своими нравоучениями. Дань, отойдём? – Швец, психуя, тянет меня за руку.

Останавливаемся чуть поодаль, у столба.

– Будешь думать обо мне? – смотрит прямо в глаза, вздёргивает подбородок.

– Ну так, иногда, – отвечаю честно.

Толкает кулаком в плечо, а потом, повиснув на моей шее, как зарыдает!

Что в таких случаях предпринимать – не имею ни малейшего понятия. Стою истуканом.

– Даня-Даня, – всхлипывая, приговаривает тихо. – Так ниче и не дошло, да? – прижимается своими горячими губами к моим. – Ты для меня... ты... больше, чем все они, Дань. Особенный. Я тебя... Я тебя...

– Ты чё, ему в любви признаёшься, Швец? – обалдело гогочет Денис, ошивающийся поблизости.

– Заткнись, полудурок! – утирая слёзы, шипит Маринка.

– Ой, и сердце-то у неё есть оказывается.

– Уйди, пока морду не расцарапала! – орёт она гневно, угрожающе сдвинув брови к переносице.

– Поплачь-поплачь, за человека сойдёшь, – никак не угомонится парень.

Скандал прерывается. На платформу прибывает мой поезд. Остановка длится всего шесть минут, в связи с чем Ольга Сергеевна начинает кипишевать. Боится, наверное, что опоздаю и вернусь назад.

– Билет, паспорт, – командует грозного вида баба-проводник.

Отдаю документ и потрёпанный листок А4.

– Проходи в вагон, – бросает она, хмуро глядя на мою побитую рожу.

– Ну всё, Дань, иди! – всегда собранная, скупая на проявление чувств и строгая Ольга Сергеевна притискивает меня к себе. – Пусть у тебя всё будет хорошо!

– Пока, Клим. В любви признаваться не буду, но руку на прощание пожму, – Денис протягивает мне свою медвежью лапу.

– Мари... – подмигиваю и старательно улыбаюсь девчонке, чтобы приободрить.

Редкое явление.

– Проходим, молодой человек, время уже!

Забираюсь по железным ступенькам наверх и, не оборачиваясь, направляюсь искать своё место в битком заполненном вагоне плацкарта.

Глава 4

В поезде удаётся познакомиться с группой студентов. Шумная компания громко общается и хохочет на весь вагон. Одна из девчонок в какой-то момент подсаживается ко мне. Слово за слово – и вот я уже с ними за одним столом.

Будущие врачи радушно угощают меня печеньем и конфетами. Благодарю, но отказываюсь. Пью свой крепкий чай и молча слушаю байки, которыми они делятся.

– Нам Дегтярёва рассказывала, что к ним как-то привезли женщину с обширным ожогом ротовой полости, – вещает белобрысая девчонка в очках. – Ей оказали первую помощь, ну и спрашивают, что случилось. Она, прикиньте, отвечает, что зубы отбелить хотела.

– И чем же? – рыжий парень закидывает в рот шоколадную конфету.

– Гм... Полоскала рот туалетным утёнком. Где-то прочла, что это работает.

– Ага, там даже написано «бережно для эмали»!

– Жесть.

– Ой дууура...

– А мы ржали недавно. Заходит бабушка-божий-одуван к терапевту. Садится, кряхтит, охает, ахает. Василич у неё спрашивает, что вас беспокоит? Она: ой, милоч, помидоры. В этом году чёт листья всё желтее и желтее.

– Кадр!

– Правильно блин, надо спрашивать: что болит? А не так.

– Это ладно, у нас чё было! – присоединяется к беседе короткостриженный брюнет. – Дед, восемьдесят два года, остановка сердца. Бригада врачей его откачивает. С того света еле-еле возвращает. Он же, как только приходит в себя, первым делом зло говорит: ну и кто вас просил, ироды? Немая сцена...

– Его можно понять.

– А реакцию врачей представь!

– Да уж... Гусев, твоя очередь.

– Так-с... Мы с Архиповым как-то опоздали в поликлинику. Представились на регистратуре, спросили номер кабинета. Помчались на второй. Халаты на ходу накидываем и скорее к врачу вламываемся. Он, хмуро глядя на нас, осведомляется, кто такие. Ну... объяснили, что студенты, к нему направлены. Ладно, говорит, я понял. Стойте-смотрите-не мешайте.

– И чё?

– Чё-чё... Пару минут спустя какая-то полуголая дамочка запрыгнула на кресло – и где-то тут мы с Толиком осознали, что явно не с травматологом имеем дело.

– Лошары!

Ребята громко смеются.

– А этот ещё и с умным видом конспектировал стоял. Или зарисовывал, не знаю, – хохочет Рыжий, толкая соседа в плечо.

– Потихе, молодёжь! – возмущается кто-то из пассажиров.

– Извините.

– Боже, спустя годы учёбы думаю, где была моя голова? Зачем в мед поступала? – сокрушается очкарик.

– Не знаю, я не жалею, несмотря на сложности.

– Короче, я ж врачом с детства хотела стать, – подаёт голос девчонка с каре. – Однажды вернула нашего дряхлого кота к жизни. Искусственным дыханием. Спасла и, так сказать, вдохновила. Всё, думаю, это – знак. Быть мне реаниматологом.

– А кот...

– Да просто спал он, как оказалось! Родители не признались сразу, потому что боялись мой яркий энтузиазм загасить.

– Ахаха.

– Меня классе в шестом мать ругала за почерк. Типа испортился, Миш. Стал писать как курица лапой и всё такое... Прописи грозилась купить. Такие, которыми первоклашки пользуются.

– Купила? – улыбается блондинка.

– Не. Я не растерялся. Уже тогда ей пояснил: не парься, ма. Красивый почерк мне ни к чему. Врачом стану. Буду «море» людям прописывать. Вот собственно так и вышло.

– Ахаха!

– А я щас приеду и начнётся... Моя бабуля постоянно летом штабелями приводит ко мне своих подруг, чтобы я посмотрела их и дала рекомендации. Ты ж медик! Что тебе сложно? И фиг объяснишь ей, что у меня, практолога, узкая специализация.

– Моё семейство меня тоже каждое лето на профпригодность тестирует. Радуются, когда я приезжаю.

– Ещё бы, такая экономия на платном стоматологе! Зубы нынче лечить дорого!

– Красивая татуировка, – дотрагиваясь до моей шеи пальцами, говорит та самая Наташа, которая изначально ко мне подседала. – Больно было? Чувствительное ведь место.

– Терпимо.

– Свежая?

– Год назад делал.

– Слушай, Дань, а расскажи о себе? Куда-откуда едешь? – проявляет искренний интерес.

И все остальные, как назло, затихают.

– Еду домой, – неопределённо пожимаю плечом.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать недавно исполнилось.

– А где учишься? – продолжает выдавать вопросы пулемётной очередью.

– Пока нигде.

– Не вздумай идти в медицинский, – наставляет рыжий.

Да уж куда мне. Шарага какая-нибудь – мой максимум. И то, не знаю, пойду ли...

Глядя на этот развесёлый, сплочённый коллектив, невольно задумываюсь о том, как классно, наверное, быть студентом.

– Кто тебя провожал? Сорян, мы наблюдали за вами из окна, – виновато улыбается Наташа. Кстати, только её имя я и запомнил.

– Родственники, – зачем-то выдаю неправду.

– Понятно.

Если по чесноку, говорить о себе я не люблю и не хотел бы. Ведь чем больше выгружаешь, тем большее количество сопутствующих вопросов задают, а я по натуре такой человек, что не привык держать душу нараспашку.

– Поиграем в крокодила? – предлагает кто-то.

– Я за.

– Ну давайте! Готовь бумажки, Ир.

– Я на боковую, башка трещит, – встаю. – Спасибо за компанию.

Здесь у них отличный вайб, но сейчас я хотел бы остаться наедине с собой.

– Как часто болит голова?

– С давлением обычно всё в порядке?

– МРТ надо бы сделать и заглянуть на приём к неврологу, – принимаются раздавать советы.

– Мне восемнадцать, а не восемьдесят.

Желаю спокойной ночи и направляюсь к своему койко-месту.

Поезд подъезжает к вокзалу родного Красноморска.

Испытываю смешанные чувства. И радость, и тоску. Да и волнуюсь конечно...

Закинув рюкзак на плечо, спускаюсь на перрон. Туда-сюда снуют встречающие-проводящие. Остановившись тупо посередине платформы, осматриваюсь. Вдыхаю носом раскалённый воздух и прижимаю ребро ладони ко лбу, закрывая глаза от лучей палящего солнца.

Слева раздаётся свист.

– Э, малой, мы тут! – звучит неподалёку грубый баритон.

Обернувшись, вижу, что по направлению ко мне движутся два мужика. Оба одеты по-спортивному. Короткие стрижки.

Егора, к собственному стыду, узнаю не сразу. Но оно и неудивительно, столько лет прошло. Последний раз мы виделись, когда мне было одиннадцать.

– Ну здорово, Данила!

Вот он, стоит напротив. Мой брат. Моя плоть и кровь.

Внимательно смотрим друг на друга. Изучаем. Принимаем реальность. Семь лет разницы. Семь лет в минус...

Егор выглядит старше своих лет. Так, очень по-взрослому. Высокий, крупный. Щетина на лице. Тонкая сетка морщинок в уголках глаз. Взгляд уставшего человека.

– Рад тебя видеть, брат, – протягивает широкую ладонь, которую я тут же сжимаю.

– Взаимно, – отзываюсь, сглотнув шершавый комочек, вставший в глотке.

– Сюда иди, – дёргает на себя и крепко обнимает, хлопая по спине. – Вымахал, засранец. С меня ростом.

Молчу. Игнорирую боль в костях. Та, что под рёбрами, в разы сильнее.

– Спортсмен? – гаркает на ухо. – Хилый вроде, но мясо есть.

– Так, по-мелочи, занимались с пацанами во дворе.

– Видал, Федо, какой у меня брательник? Хорош на морду, а? В мать пошёл, – отодвигается и хлопает меня по щеке.

– Откормить надо, – хрипит тот в ответ.

– Откормим. Не, ну ты глянь на него. От девок, небось, отбоя нет, а? – Егор улыбается. Но улыбка эта больше похожа на хищный оскал. – Это кент мой, кстати. Познакомься. Отвезёт нас до хаты. Моя тачка в ремонте.

– Данила.

– Федя.

Обмениваемся рукопожатием.

Не знаю почему, но этот мутный тип мне уже автоматом не нравится.

– Погнали. Отпразднуем твоё возвращение, – Егор закидывает свою ручищу мне на плечо.

– Можем заехать в одно место?

– Потом давай? На днях.

– Нет. Сразу.

Снова пересекаемся взглядами, и он в итоге кивает. Понял, о чём прошу.

Там же, на вокзале, покупаю цветы. Симпатичный букет из мелких, нежно-розовых роз.

– Полтора косяря за веник. Ты долбанулся? – возмущается Егор.

– Мать такие любила, – коротко бросаю в ответ.

И даже выращивала под окнами. Но брат, похоже, этого не помнит.

– Откуда бабло? – интересуется уже в машине.

– Подрабатывал грузчиком.

– А, вон оно чё.

– Куда едем? – влезает в наш диалог его друг.
– На кладбище. Слышь, Данила, а чё с твоей мордой? Получил от кого-то? Прессанули? Синяки цветут пышным цветом. Конечно, он не мог не спросить.
– Да нет, всё нормально.
– Сдачи-то дал? – уточняет хмуро.
– Изначально этот конфликт я спровоцировал.
– А вот это уже неплохо, – усмехается он. – Федо, Левша звонил? Пока они разговаривают между собой, непрерывно смотрю в окно. Море.

Как я мечтал к нему вернуться...

Сегодня пойду плавать однозначно.

– Приехали, – минут пятнадцать спустя информирует Хриплый.

Выбираемся с Егором из машины.

– Помнишь, куда нам идти? – достаёт солнцезащитные очки.

– Да.

Мне удивительно, что он не помнит.

Не приходил сюда, что ли?

Убеждаюсь в этом, когда находим могилу родителей. Надо сказать, с трудом. Потому что всё поросло сорняком. Краска на калитке облупилась и выцвела.

– Ты не был у них? – в шоке от того, что вижу.

– Не было времени. Я уезжал в Сочи по делам.

– Что ни дня свободного не было? – вырываю руками бурьян, заслонивший памятник.

– Поверь, Данила, им уже всё равно, – садится на покосившуюся лавочку.

– Мне не всё равно. Надо навести здесь порядок, – достаю из рюкзака одну из своих футболок и бутылку воды.

– Наведём, брат, – наблюдает за тем, как я кладу цветы, протираю чёрный мрамор и отхожу назад.

С камня, покрытого многолетним слоем пыли, на нас смотрят мать и отец. Пожалуй, самая красивая пара, которую я когда-либо видел.

– Скучаешь по ним, Малой?

– Да, – убираю руки в карманы.

– А отомстить хочешь? – спрашивает вдруг.

Поворачиваюсь к нему. В недоумении вскидываю бровь.

– Чего?

– Я говорю, отомстить за них хочешь? – чеканит по слогам.

– Кому мстить, брат? Несчастный случай.

– Это гон. Есть конкретный человек, который стоит за всем этим.

– Не понял... – по коже, несмотря на жару, проходит холодок.

С минуту Егор сохраняет паузу и не произносит ни звука. Только сверлит меня внимательным, пристальным взглядом.

– Пора взрослеть, Данила. Есть кое-что, о чём ты должен знать...

Глава 5

Даня

наши дни

– Какого ты так долго? – наезжает на меня Егор, стоит мне только сесть в машину.

– Так вышло.

– Сказал же, одна нога там, другая здесь! – напоминает недовольно.

Молчу.

– Починил чётов генератор?

– Нет. Поломка серьёзная. Мне нужны кое-какие запчасти.

– Стопэ, это чё, кровь у тебя? – в шоке таращится на мою голову.

Дотрагиваюсь пальцами до саднящего затылка.

Похоже на то.

– Чем приложила? – интересуется он мрачно, сразу же предположив очевидное.

– Табуреткой, – отвечаю, усмехнувшись.

– Неугомонная, твою мать, – открывает бардачок, достаёт оттуда салфетки и протягивает мне. – А с виду та ещё тепличная неженка.

– Её можно понять. Она очень напугана.

– Надеюсь, ты пояснил ей, как нужно себя вести? – заводит движок и переключает передачу.

– Без света и обеда осталась.

– Без света и обеда? – фыркает громко. – Это чё за детский сад, Дань? Надо было двинуть по шам разок. Задрала со своими выкрутасами.

– Егор, не забывай о том, что она девчонка.

– Девчонка... – повторяет за мной и кривит лицо. – А ты, братан, соплежуй у меня, оказывается. Заруби себе одну истину на носу: бабы должны знать своё место. Особенно такие, как она. Иначе...

– Мы едем, нет? – перебиваю раздражённо.

– Едем, – кивает он, и машина наконец трогается. – Я вот чё думаю, опасно туда-сюда по окрестностям мотаться. Не дай Бог какая падла нас срисует по маршруту. Сделаем так: закупим всё необходимое и осядешь тут, на маяке. Будешь приглядывать за нашим лебедем. Не нравятся мне её финты.

– Когда ты собираешься связаться с Зарецким?

– Ещё рано. Пусть Эдик помучается пару недель. А может и дольше, я ещё не решил, – расплывается в шакалей улыбке.

– Ты спятил? – смотрю на него в шоке. – Хочешь так долго держать её там, в подвале?

Пусть Эдик помучается пару недель.

Ушам своим не верю.

– А чё... Сидит и сидит. Вентиляция есть, вода есть. Жрачку раз в день подкидывать будешь. Не подохнет наша Цаца.

– Ты не думал о том, что менты могут добраться сюда на Песчаную Косу?

– Ой вряд ли, на кой им сдалась эта глушь? – машет в сторону густого леса, окружающего узкую дорогу по периметру. – Маяк давно заброшен. Бомбоубежище нашего шизанутого деда им ни за что не обнаружить. О нём кроме меня никто не знает.

– Ты в этом уверен? – выражаю сомнение.

– На все сто. Не ссы, малой! – толкает меня в плечо.

– Мне кажется, что искать девчонку будут не только в Красноморске.

– Пусть ищут. Сюда даже если доберутся, в жизни не допрут, что она под маяком.

– Как вообще дед до такого додумался? И сколько лет на это ушло?

– До фиги, – щёлкает поворотником. – Верил в то, что пересидит там с семьей ядерный взрыв.

Качаю головой.

Знал конечно, что дед у нас был со странностями... Но о том, что бункер строил, как-то не догадывался. Хоть и помню, что он постоянно говорил про то, что скоро начнётся ядерная война.

– Давай новости послушаем, как раз сейчас начнутся, – брат включает радио и ловит местную волну. – Федо звонил, говорит, шумиха поднялась в городе. Шмонают тачки.

– Ну ещё бы.

– Журналисты со всего края приехали. Губер наш вернулся. Примчался на всех парах.

– Сейчас подключит все свои связи.

– Пусть подключает, мы сработали на отлично. Всё прошло как по маслу. Долбоклюи, – смеётся подобно гиене. – Девку вывезли из города на раз-два...

– Просто повезло, – говорю своё мнение на этот счёт. – Одна была. Плюс они поздно кинулись её искать.

– А ну тихо...

– Полдень, в эфире Пётр Селезнёв и главные новости прошедшей недели.

Егор делает звук погромче и опускает козырёк. Взбравшееся на небо солнце палит просто нещадно.

– Почти двое суток назад, у ворот Государственного Академического Театра имени Галины Улановой, была похищена дочь крупного бизнесмена и губернатора нашего края, Эдуарда Владимировича Зарецкого. Со слов очевидца, неизвестный напал на девушку и силой затащил в машину, марку которой женщина издали распознать не смогла.

– Говорил же, что нас видели...

– Давай дослушаем.

– Напомним, что восемнадцатилетняя Анастасия Зарецкая, является примой местного театра, в главном зале которого в тот вечер проходила премьера спектакля «Лебединое озеро». Балерина посетила фуршет, после чего покинула стены театра. Известно, что последним её видел охранник. В руках у девушки была сумочка и цветы. Те самые цветы, лежащие на асфальте... Два часа назад «Море news» сообщило о том, что губернатор в срочном порядке вернулся из столицы. Комментарии журналистам Эдуард Владимирович пока не даёт. Полиция тоже. Нам остаётся надеяться на то, что в скором времени Анастасию найдут живой и невредимой. Будем следить за развитием событий.

– Надейтесь, – усмехается Егор, выезжая из леса на трассу.

Честно говоря, я не представляю, каким образом он хочет провернуть всю эту канитель с выкупом. Обычно именно в такие моменты менты и накрывают.

– Чё грузишься?

– Сколько дают за похищение, организованное группой лиц?

– От пяти до двенадцати вроде.

– Зашибись.

Уже в уме считаю, сколько лет мне будет, когда выйду из тюрьмы.

– Тааак... – он съезжает на обочину и резко тормозит. – Малой, послушай-ка меня, – глушит мотор. – Всё будет найс, если ты перестанешь пессимиздить.

– Это кончится плохо, Егор.

– Хватит ныть! – начинает злиться. – Я целый год тебя ждал!

– Только ради того, чтобы провернуть свой план, – отзываюсь спокойно.

– И это тоже. А как по-другому? Брат за брата, Данила. Зарецкий лишил нас семьи. Матери, отца. Ты понимаешь, нет? – мёртвой хваткой стискивает моё плечо.

– Понимаю.

– Из-за него ты вырос в детском доме, из-за него мы сейчас на нуле! На дне! Мы должны были это сделать!

– Родителей это не вернёт, – смотрю на дорогу.

– Поздно включать заднюю, Малой. У нас теперь только один вариант. Довести дело до конца. Получим наши бабки назад – и свалим отсюда к чёртовой матери...

Посетив пару хозяйственных магазинов, отправляемся в супермаркет. Там затариваемся продуктами, которые можно хранить без холодильника, и бутылками с питьевой водой. Благо, на улице жара, и покупки эти вряд ли способны вызвать подозрение и вопросы.

До позднего вечера сидим с Егором на съёмной квартире и лишь глубокой ночью выдвигаемся на Песчаную Косу.

– На связь выйдешь через три дня. Если вдруг раньше срока возникнет какая-то серьёзная проблема, поднимешься наверх и напишешь в сообщении три нуля. Это будет означать, что я срочно должен приехать.

– Ясно.

– Без надобности не звони вообще. Мало ли... Сейчас всех подряд шерстить начнут, могут и мной заинтересоваться.

– Окей.

– С девчонкой будь поосторожнее. Лицо закрывай всегда. Зашёл, дал пожрать, ушёл. В разговоры не вступай. На вопросы не отвечай. На провокации и слёзы не поддавайся. Никаких лишних контактов, ты понял?

– Да.

– Будь всегда начеку. Не расслабляйся!

– Я понял, Егор.

– Надеюсь. Всё, давай, дуй туда и не высовывайся, – осматривается по сторонам, открывая багажник.

Забираю пакеты и направляюсь к маяку.

Густой, тёмный лес шелестит по обе стороны. В небе висит огромная луна.

Тревожно.

Отвратительное чувство. Так и мерещится, что за тобой кто-то наблюдает. Немного отпускает только лишь тогда, когда оказываюсь под маяком, на лестнице.

Держа фонарь перед собой, шагаю по бесконечным ступенькам. Сколько этажей вниз – даже не считаю, но в очередной раз поражаюсь тому, насколько отбитым был мой дед.

В одном Егор прав: найти это место – вообще нереально. Учитывая тот факт, что обнаружить вход случайно невозможно. Уровень конспирации и хитрожопости моего предка на высоте...

Открываю вторые двери. Захожу, закрываю на ключ изнутри, как и предыдущую.

Иду по узкому коридору дальше. Повторяю аналогичную процедуру, и вот, наконец, попадаю в небольшую комнатку, предназначенную для обслуживания всего помещения, расположенного глубоко под землёй.

Как раз здесь и находится сломанный генератор, который мне предстоит починить. Если не справлюсь, то мы с девчонкой так и останемся без света. Перспектива удручающая.

Кстати про девчонку... Надо бы проверить, как она.

Снова достаю связку ключей и отправляюсь к ней. В последний момент вспоминаю о том, что нужно закрыть лицо и мне приходится вернуться.

В общем, к дочери Зарецкого попадаю лишь несколько минут спустя. В комнату вхожу осторожно, памятуя о том, что от неё можно ожидать всякое. Ещё раз получить по хребту тяжёлым предметом как-то не хотелось бы.

Подсвечиваю ограниченное пространство фонариком.

И где она?

На кровати пусто.

Оборачиваюсь, на всякий случай. Ибо бережёного Бог бережёт.

Куда пропала?

Медленно прохожу вперёд. Проверяю, нет ли её в туалете.

Нет.

Сбежала? Как? Это просто невозможно.

Отгоняю подступившую панику прочь.

Спокойно. Она сидела под замком. В этой маленькой и абсолютно герметичной комнате.

Прятаться негде. Тут же даже взгляду не за что толком уцепиться...

Разворачиваюсь. И с облегчением выдыхаю.

Вон она, закутанная в одеяло, сидит у стены, между тумбочкой и кроватью. Потому и не заметил сразу.

– Эй, ты в норме?

Не двигается абсолютно. Лицо спрятано в коленях.

Не понимаю, спит или что? Почему там?

Подхожу ближе, присаживаюсь на корточки.

– Насть, – обращаюсь к ней по имени. – С тобой всё в порядке?

Терпеливо жду ответа.

– Слышишь? – касаюсь плеча, и она тут же резко дёргается, поднимая голову.

– Чудища... повсюду.

Заплаканные глаза. Растерянный, испуганный взгляд.

– Встань с пола. Здесь холодно.

Вроде на меня смотрит, но будто сквозь. Мне даже как-то не по себе от этого становится.

– Настя...

Только сейчас замечаю, что её трясёт. Вся мелкой дрожью заходится.

– Ты боишься темноты? – озвучиваю вслух своё предположение.

– Ппошёл ты, – тихо, но яростно шепчет она.

Так и есть значит.

Вздыхаю.

Честно говоря, забирая тогда фонарик, я об этом как-то не подумал. Это ведь детский страх, а она вроде как уже вполне себе взрослая.

– Встань с пола, – повторяю более настойчиво.

– Нет, – упрямо сопротивляется.

Приходится «помочь». Тяну за локоть, вынуждая выполнить мою просьбу.

– Не трогай меня! – шипит змеей.

– Я сказал тебе, встань!

– Отстань! – в глазах читается злость и отчаяние. – Отстань, отпусти!

– Вставай.

– Пошёл ты! – жмётся к стене и снова оседает на пол.

– Поднимайся! – приходится проявить настойчивость.

– Не трогай! Убери от меня свои руки! – сипит она сорванным голосом.

– Ты кричала? Это бесполезно. Ты глубоко под землёй. Никто тебя здесь не услышит.

– Вы нелюди! – шмыгая носом, трясёт головой. – Ради денег на всё готовы! На всё...

Молчу.

Что сказать? По большому счёту, получается ведь, что так и есть.

– Мой отец сотрёт вас обоих в порошок! Понял? Сотрёт! – хрипит, беззвучно плачет и ожесточённо дерётся. – Ты понял? Он вас просто уничтожит!

Да я, в отличие от Егора, даже не сомневаюсь в этом.

– Сядь на кровать, – спокойно требую вновь.

– Не трогай меня! – вырывается, но в какой-то момент вдруг заходится приступом кашля.

Какого чёрта?

– Ты заболела? – доходит до меня внезапно.

– Не трогай!

Невзирая на протест, прикладываю ладонь ко лбу, и она наконец замирает, переставая буянить.

Горячий. Очень горячий.

Да она буквально горит!

Похоже, и правда заболела...

Глава 6

От еды Зарецкая демонстративно отказывается. Забирается на кровать и отползает к стене.

– Тебе надо есть, – обращаюсь я к ней.

– Учитывая обстоятельства, ты на моём месте стал бы? – кутаясь в одеяло, уточняет язвительно.

– Да.

– Какая ложь! – восклицая, шмыгает носом.

– Тебе здесь долго торчать придётся.

Не знаю, зачем говорю ей это. Наверное, чтобы заранее была готова к такому развитию событий.

– Долго? – слышно, как меняется голос. Теперь в нём отчётливо звучит волнение и растерянность. – Чего же вы тянете? Чего ждёте? Мой отец уже вернулся из Москвы?

Игнорирую её вопросы. Было ведь сказано: в контакт не вступать, диалог не поддерживать, на провокации не вестись. Пока правила соблюдаю.

Оставляю ужин-завтрак на столе. Кладу фонарик рядом (у меня есть запасной) и молча ухожу.

Надо починить генератор. Без электричества туго. Ни света, ни тепла, ни кипятка. Как пещерные люди.

Закрываю девчонку в комнате и отправляюсь воплощать задуманное.

Несколько часов спустя я всё ещё жёстко ломаю голову. Устранить поломку так и не выходит, и я никак не могу догнать, в чём причина. Инструкции-то к генератору нет.

Достаю из пакета большое, спелое яблоко. Пока грызу его, ещё раз внимательно осматриваю купленные запчасти, которые, в принципе, идеально подошли. Толку правда от этого ноль...

Поклодовав над генератором ещё какое-то время, решаю сделать перерыв. Глаза слипаются после бессонной ночи. Жутко хочется спать. А лечь-то здесь и негде.

Зевая, возвращаюсь в комнату, смежную с той, в которой находится дочь Зарецкого. Там раскладываю старомодный диван советского выпуска и укладываюсь на боковую.

Сплю беспокойно и по ощущениям недолго, однако когда включаю экран телефона, с удивлением обнаруживаю, что уже четыре.

Поднимаюсь и разминаю пальцами шею.

Вздремнул так вздремнул. Вырубило конкретно. Даже не помню, как именно.

Немного взбодрившись, натягиваю на лицо балаклаву и направляюсь к двери. Посмотреть, как там Настя.

Ключ. Щелчок.

Вхожу.

Первым делом проверяю, поела ли.

Ответ отрицательный. Всё на месте: и булочка, и яблоко, и печенье.

– Ты как? – шагаю к ней.

На этот раз Настя лежит в кровати. Косы разбросаны по подушке. Глаза закрыты. Дыхание рваное и частое. Её тело пробивает дрожь.

Снова касаюсь ладонью её лба. По ощущениям и визуально сегодня её состояние хуже, чем вчера.

– Эй, – тормошу за плечо.

– Что? – тихо шепчет губами.

– Тебе совсем плохо стало?

Еле-еле поднявшись, принимает сидячее положение, собирается что-то сказать, но начинает кашлять. Да так, что не может остановиться. Приступом заходится.

Нет, так не пойдёт.

Беру бутылку с водой. Протягиваю ей, предлагая попить.

Искоса на меня смотрит, прищуривается.

– Сначала ты, – сипит охрипшим голосом.

Не сразу понимаю, что имеется ввиду, но потом до меня доходит. Боится.

– Там резьба, она новая, – пытаюсь успокоить на этот счёт.

– Пей. Не верю... – упрямо стоит на своём.

Ну ладно.

Откручиваю крышку и делаю несколько глотков негазированной жидкости. После чего передаю бутылку ей.

Забирает, продолжая внимательно за мной наблюдать. Словно ждёт чего-то, но это самое «что-то» не происходит.

Наконец, набравшись смелости, решается, однако перед этим делает то, за что в детском доме получила бы по первое число. Вытирает горлышко бутылки. Рукавом.

Не знаю почему, но этот жест брезгливости отпечатывается в памяти намертво, оставляя после себя довольно неприятный осадок. Причём, где-то глубоко в подкорке...

Ухожу оттуда, а десять минут спустя, уже будучи на поверхности, набираю брата, хоть тот и просил этого не делать.

Не берёт.

Жду, что перезвонит. Пишу условленное сообщение. По итогу спускаюсь вниз, так и не получив от него ответа.

Через пару часов поднимаюсь наверх вновь. Звоню повторно, однако в этот раз номер вызываемого абонента не доступен.

Короче, Егор не оставляет мне выбора. Заперев девчонку на все замки, покидаю убежище на свой страх и риск.

На улице пахнет сыростью. Идёт дождь. Небо заволочло тяжёлыми, графитовыми тучами. На солнце и намёка нет. Как водится, погода у моря портится внезапно и без предупреждения.

Накидываю на голову капюшон, прячу руки в карманы толстовки и выдвигаюсь. По моим подсчётам, у трассы я буду примерно через полчаса. Где, согласно плану, попуткой сяду кому-нибудь на хвост и доеду до города. А там уже разберёмся.

Пока шагаю кедами по мокрой лесной дороге, опять мыслями возвращаюсь в ту маленькую комнату. Прямо стоит перед глазами этот её финт с бутылкой и всё!

Вроде сущая ерунда, а задело не по-детски...

Небо разрывают могучие раскаты грома. Вспышки молнии освещают окружающее пространство. Я один. Ни людей, ни зверей. Последние, видимо, попрятались.

К дороге подхожу быстрее, чем ожидал, но там достаточно долго ловлю попутку. Желающих передвигаться в подобный апокалипсис немного. Что вполне ожидаемо.

Мне «везёт» на ворчливого деда. Весь путь до города он активно возмущается. Не доволен пенсией, повышением цен и уровнем жизни населения. Тарахтит как заведённый. Одним сплошным диалогом выдаёт столько инфы, что не переварить.

Сдаётся мне, ему просто нужны были свободные уши.

– Здесь тормозните, – прошу я, заприметив нужную вывеску на углу. – Спасибо.

– Бывай... – бросает мужик в ответ и вскоре уезжает.

В аптеке затариваюсь основательно. Покупаю градусник, жаропонижающее, противовирусный препарат, спреи для горла и носа, леденцы. В общем, всё то, что любезно советует взять фармацевт.

По чеку влетаю в копеечку. Оказывается, болеть в наши времена очень дорого и невыгодно. Цены на лекарства бешенные.

– Красивая татуировка, – произносит девчонка, отдавая мне сдачу.

– Сойдёт, – отвечаю я ей, подмигивая.

Факт. Девчонкам нравится моя змея, хотя морда у неё страшная.

– Меня зовут Катя, а тебя? – забавно смущается она.

Симпатичная, но сейчас это знакомство вообще не в тему будет.

Благодарю Катю за помощь и выхожу на улицу, задев башкой дурацкий колокольчик, висящий на двери. Спускаюсь по ступенькам и прищуриваюсь. Ветрище поднялся нештучный. Прямо ураганный. Вкупе с ливнем – такое себе удовольствие, хотя дождь я с детства люблю.

Не обращая внимания на капли, бьющие в лицо, шурую до хозмага, находящегося неподалёку. Там покупаю кое-что для генератора, рассчитывая всё-таки перебраться его по новой.

Назад на Песчаную Косу приходится вернуться на автобусе. Ждал я его на остановке больше часа. Попутку, к сожалению, в этот раз словить не удалось, ибо редкие машины, проезжающие мимо, как-то не горели желанием меня подобрать.

Приложившись лбом к холодному стеклу, думаю о том, во что ввязался по собственной дурусти, и невольно вспоминаю разговор, состоявшийся перед отъездом между мной и директрисой нашего детского дома.

«Оступиться очень легко, Климов».

Давлю из себя кривую усмешку.

Да... Знали бы вы, Ольга Сергеевна, с чего началась новая, взрослая жизнь вашего выпускника...

До сих пор не верю, что согласился участвовать в затее Егора. Похищение человека – серьёзная статья. И если брату не в первой отправиться на нары, то со мной ситуация другая. Совсем не так я представлял себе своё будущее...

– Милок, нет ста рублей, бабушке на хлебушек? – слышу сквозь напавшую на меня дремоту.

Поворачиваюсь. Старушенция, с которой мы всё это время ехали в пустом автобусе, выжидающе на меня смотрит.

Не сразу соображаю, что ей от меня надо.

– Ста рублей нет? Бабушке на хлебушек, – повторяет она чуть громче.

– Есть, – засовываю руку в карман и достаю оттуда сдачу.

– Благодарствую, – не успеваю ничего сказать, как она уже считает с ладони и бумажные купюры, и мелочь. Всё подчистую.

«На хлебушек»

Врёт ведь. Перегар от неё стоит такой адский, что я аж моментально прихожу в чувство.

– Остановка «Солнечная», конечная, – вещает женский роботоголос.

Поднимаюсь с сидухи и направляюсь к выходу. Бабка же наоборот, в самый конец автобуса усаживается. Такое впечатление складывается, что ей никуда не надо. Будто бы просто погреться здесь решила. Может, бездомная. Кто знает.

Накидываю капюшон, ступаю кроссовком на мокрый асфальт. Мужик, спешащий скрыться от непогоды в транспорте, довольно грубо задевает меня плечом.

– Поаккуратнее, – недовольно бросаю ему вслед.

– Чё ты там прощуршал? – быкуя, разворачивается тот.

– Я говорю, широкий слишком?

– Слышь ты, щенок... – делает пару шагов вперёд.

– Я тебя слушаю, – вскидываю подбородок. Даю понять, что к конфликту тоже готов.

– Молодой человек, дай пройти, чего встал! – недовольно кудахчет тучная женщина, отталкивая меня в сторону мокрым зонтом.

Двери закрываются, отрезая меня от пассажиров, но я всё ещё стою на месте. Терпеливо жду, выйдет ли разбираться со мной бритоголовый. Теряться – не мой стиль.

Тем временем удаляющийся автобус исчезает в густом тумане, опустившемся на город. Провожая его взглядом и ухожу с остановки. Двигаюсь по обочине вдоль дороги. Втыкаю наушники и врубаю музлю на полную громкость.

Дождь почти закончился, однако мокрая одежда комфорта и тепла не прибавляет. Хочется поскорее её с себя стащить, но пилить мне через лес до побережья минут сорок...

К маяку выхожу, когда наступают сумерки. Снимаю кроссы, капитально испачканные в грязи. Отправляюсь к морю, чтобы отмыть их. На обратке моё орлиное зрение замечает спрятанную меж деревьев тачку.

Напрягаюсь всем телом. По коже лихой озноб проходит. И это не от ветра точно...

Менты? Нашли? Первое, что мелькает в воспалённом мозгу.

Бежать?

Приближаюсь к маяку и в какой-то момент резко выдыхаю, распознав брличку Егора.

Мать твою. Напугал меня конкретно.

Подобравшись ближе, с удивлением обнаруживаю, что машина закрыта.

И где он, спрашивается?

Ощущаю странную тревогу.

Обхожу маяк со всех сторон. Выглядываю на пустынное побережье. Набираю брата, но абонент по-прежнему не доступен. Не имею не малейшего понятия, что это значит.

Сбрасываю вызов, быстро иду внутрь. Воспользовавшись проходом-обманкой, толкаю дверь-стену.

Закрывается.

Достаю связку ключей. Открываю.

Пока спускаюсь и надеваю балаклаву, оставленную на поручнях, думаю о том, как связаться с Егором.

Он ведь где-то здесь? Может, что-то произошло?

Всякие тревожные мысли начинают атаковать сознание, но все они отходят на второй план, потому что я слышу музыку. Это открытие вынуждает меня сбросить темп и внимательно прислушаться.

Убедившись в том, что действительно слышу мелодию, иду на звук. Он исходит из комнаты, дверь в которую, в отличие от предыдущих, приоткрыта.

Захожу туда.

Егор стоит спиной ко мне. В левой руке держит телефон, снимая происходящее. Правой направляет пистолет на девчонку.

— Танцуй ещё, лебедь херов! – орёт он зло.

У Егора есть второй комплект ключей? Так получается?

Резко дёргаюсь от выстрела. Этот придурок шмальнул вправо. Видимо, чтобы произвести должный эффект на дочь Зарецкого, застывшую у противоположной стены.

— Танцуй давай! Крути грёбаную фуэту! Или как там эта штука у вас зовётся! – нажимает на запись, и на экране смартфона начинают бежать секунды.

Девчонка, явно напуганная до смерти, исполняет его приказ. Правда тут же вскрикивает.

— Давай, Настёна-сластёна, продолжай!

Когда мой взгляд случайно опускается на пол, подсвеченный ярким пучком света мощного фонарика, нервно сглатываю.

— Оп-па! Оп-па! Ну-ка еще! Быстрее! Быстрее! – никак не уймётся брат.

— Егор, ты спятил? – спрашиваю, пребывая в шоке от увиденного.

– Оо, здорово, Малой. А мы тут привет снимает многоуважаемому губернатору, – останавливает съёмку и смеётся, обнажая зубы.

– Совсем крышей поехал? Это чё такое? Отойди отсюда, – пытаюсь дотронуться до Зарецкой, чтобы помочь, но беззвучно плачущая Настя сопротивляется.

Оттолкнув меня, проходит пару шагов, а потом чуть дальше оседает вниз, держась за стену.

Растерянно смотрю на битое стекло, которым усыпан голый, бетонный пол. Я не сразу заметил, что именно на нём Егор заставил её танцевать.

– Ты в своём уме? Какого чёрта? – перевожу взгляд на окровавленные ступни девчонки.

– Остынь, не бурагозь. Пошли, будешь объясняться.

Иду следом и уже за закрытыми дверями в нецензурной форме высказываю ему всё, что думаю по поводу увиденного.

– Чё завелся? – усаживается на стул и закидывает ногу на ногу.

– Ты обещал, что не тронешь её!

– Я и не трогал. Говорю же, видеопослание папочке записали. Сёдня скину на диск и отправлю.

– По-другому ты это сделать не мог?

– Ну почему же? Мог бы, к примеру, упаковать её мизинчик в конверт. Как тебе такие методы?

– Ты умом тронулся?

Кажется, я недооценил брата в этом отношении, а стоило бы почаще вспоминать, что он бывший сиделец.

– Расслабься, Данила. Выдохни, я ж шучу, – снова смеётся подобно гиене. – Эдика немного понервировать решил. Подёргать льва за усы, так сказать.

– Этот лев тебе при встрече голову откусит.

– А я не собираюсь с ним встречаться, – хитро прищуривается. – Ты, кстати, потихонечку думай куда мы с тобой рванём. Паспорта почти готовы.

Фальшивые естественно.

– Зачем звонил? Что такого срочного стряслось?

– Она заболела.

– И? – не понимая хмурится. – Мокрый как псина. Где был? – осведомляемся сурово и лезет в аптечный пакет, брошенный мною на стол. – Ах, вон оно что... Ну ясно, – поднимает на меня недобрый взгляд. – Даня-Даня... Сердобольный ты чересчур. Весь в мать, – цокнув языком, качает головой. – Сказано было сидеть и не высовываться. Что ж ты такой непонятливый.

– Надо брать трубку, когда тебе звонят, – отзываюсь я ему тон.

– Но выглядит она и правда неважно, – не обращает внимания на мои слова. – Подлечи, раз уж закупились. А это... – встаёт и забирает связку моих ключей, висящих на гвозде, – пока побудет у меня.

– Ты попутал? – хочу забрать, но он не отдаёт.

– В воспитательных целях. Итак светанул сегодня, идиот.

– Егор, я на такое не подписывался, – преграждаю ему путь, когда он собирается уйти.

– Поздняк метаться, ты в деле и обратного хода нет. Так это не работает, Даня. Твоя задача по-прежнему максимально проста и незатейлива. Приглядываешь за нашей нежной принцессой.

– Егор...

– Я скоро появлюсь, не ссы, – хлопает меня по плечу.

Глава 7

Настя

В нашем хореографическом училище работал один преподаватель, Карина Викторовна Зоич, довольно строгая и легко выходящая из себя женщина. Когда она ругала нас по делу и без, частенько угрожала тем, что заставит танцевать на битых стёклах. Якобы в наказание. Мы же, в свою очередь, хоть и побаивались Зоич, но никогда не воспринимали её слова всерьёз. Не думали, что подобное произойдёт. Пугала и пугала вроде как...

Я даже и представить не могла, что однажды это случится. Причём не в хореографическом училище, а в чёртовом бомбоубежище...

Агрессивный появился внезапно. Подошёл к кровати, на которой я лежала, довольно грубо растолкал меня и велел идти в соседнюю комнату.

Я на тот момент чувствовала себя очень плохо. Жутко болела голова, дико першило горло, тело горело от повышенной температуры. Спросонья не сразу сообразила, чего он конкретно хочет. В итоге замешкалась, и в комнату бугай потащил меня чуть ли не за волосы.

Проорался. Разбил бутылку. Достал телефон и пистолет. Спросил, готова ли я станцевать для папы...

Козёл...

Кашляю и морщусь.

Ступни в крови. Мне очень больно. Поранилась о стёкла. Пострадали пальцы и стопы.

Тяну левую ногу к себе.

– Не двигайся.

Вздвогнув, замечаю присутствие того, второго. Вздыхаю с некоторым облегчением. Несказанно радуется тот факт, что он вернулся без своего мерзкого подельника. Клянусь, я стала люто его ненавидеть!

– Дай посмотрю, – кладёт на пол потрёпанного вида аптечку и садится рядом.

– Не надо, уйди.

– Да подожди ты! Там осколки, по ходу.

– Я сама, – упираясь, шепчу хрипло.

Не успеваю среагировать. Горячие пальцы касаются моей лодыжки и поднимают стопу вверх, фиксируя её на коленке второй ноги.

– Твою мать.

– Оставь мою мать в покое! – пишу, разнервничавшись. – И ногу тоже! – снова захожусь в приступе кашля.

– Стой, Настя, надо достать стекло, – подсвечивает фонариком ступню. – Не двигайся! – недовольно командует, когда я всё же предпринимаю попытку воспротивиться. – Замри, я сказал!

Сказал он!

Господь милостивый! У меня нет сил драться. Всё, чего я хочу, это просто лечь в кровать под одеяло. Настолько отвратительно разбитой себя чувствую.

Оперевшись затылком о холодный бетон, молча наблюдаю за тем, как алая жидкость стекает по жилистому запястью, испещрённому венами.

Моё внимание снова привлекает шрам. Опять испытываю странное, необъяснимое чувство дежавю. Как будто где-то его уже видела.

– Терпи.

Вижу, как поливает ступню чем-то, напоминающим по запаху аптечный спирт, и, сосредоточившись, извлекает осколки. Один за другим.

– Ссс... – непроизвольно напрягаюсь всем телом и делаю глубокий рваный вдох.

Ай-яй-яй. Больно.

– Тут всё, – по новой поливает порезы той вонючей жидкостью, после чего достаёт из аптечки широкий пластырь и бинт.

– Я сама, – тянусь, чтобы забрать его, но парень, резко дёрнув рукой в сторону, лишь раздражённо цокает языком.

– Не мешай мне, – выразительно на меня смотрит, а потом продолжает. Плотно и умело заматывает всю ступню бинтом. Я же всё это время стараюсь не думать о том, что ко мне прикасается человек, меня укравший.

Зачем помогает? Что за аттракцион невиданной щедрости? Это мои слёзы так действовали?

– Вторую давай, – вынуждает поменять ноги местами.

Зажмуриваюсь, поджимая губы. Как же мне неприятно... Там так сильно щиплет и пульсирует.

– Сколько это длилось? – слышу его голос, но нарочно не отвечаю вслух.

Сколько? Это, к счастью длилось недолго. Он появился в подземелье очень вовремя.

– Идём.

От неожиданности за него хватаюсь, потому что он ни с того, ни с сего решает поднять меня на руки.

– Отпусти! Поставь! – наряду с негодованием чувствую внезапно накатившее смущение. Я же не в театре. И это не мой партнёр, а совершенно чужой, незнакомый мне парень, решивший без спроса нарушить личные границы.

Оказавшись на кровати, спешу от него отстраниться. Он мокрый и пахнет дождём. Это всё, что улавливает дурная голова.

Уходит, однако не успеваю залезть под одеяло, чтобы согреться, как он возвращается в комнату, с пакетом и бутылкой воды в руках.

– Надо измерить, – протягивает термометр.

– Засунь его себе знаешь куда, – прикладываясь к подушке, бормочу тихо.

– Тебе сейчас туда засуну, – отзывается зло и лезет ко мне с этим грёбаным термометром.

– Да сама я, сама! – выхватываю градусник и прячу под мышкой, нехотя принимая сидячее положение.

Этот принимается шуршать зелёным пакетом. Что-то достаёт и выставляет на тумбочку.

Искренне удивляюсь минутой позже, когда оказывается, что это лекарства. Спреи, таблетки, порошок.

– Какая забота... – шмыгаю носом и подтягиваю одеяло к подбородку.

– Не обольщайся. Это чтобы ты не откинулась, – бросает через плечо.

Хочется состричь, но сил нет абсолютно. Голова чугунная, кашель давит, нос заложило.

Термометр противно пищит, информируя о том, что готов сообщить результат.

Достаю его, успеваю заметить тревожные тридцать девять с половиной до того, как градусник самым наглým образом изымают.

– Пей это.

Хмуро взираю на таблетки.

– Или сначала мне пить? – спрашивает он язвительно.

– Да. Пей ты, а я не буду! – заявляю воинственно.

– То есть собираешься здесь «того»...

– А почему бы и нет? За бездыханное тело дочери губернатора вряд ли кто-то станет платить, правда?

– Будь уверена, в этом случае твои родители никогда тебя не увидят и не найдут. Ты обрекаешь их на вечные страдания. Они будут считать, что ты без вести пропала. Будут с этим

жить, день ото дня. Будут ждать и надеяться на что-то. Годы, десятилетия... Знаешь, сколько таких историй? – спокойно выдаёт он, искусно манипулируя моими чувствами.

– Ты...

– Пей и ложись. Или буду закладывать колёса на корень языка. Опыт у меня есть. Лечил так свою собаку, – вкладывает в мою руку стакан с водой и кидает блистер на постель.

– С собакой меня сравниваешь? Серьёзно? – стискиваю челюсти от негодования и сжимаю стакан пальцами покрепче.

– Есть между вами что-то общее. Аляска тоже периодически бешенством страдала.

Ну гад!

– Да пошёл ты! – выплёскиваю на него содержимое стакана.

Фыркает и усмехается. Эмоций не распознать, лицо полностью закрыто балаклавой.

– Нет. Пожалуй подожду, пока спадёт температура, – проявив чудеса терпения и проигнорировав мою выходку, ставит бутылку на кровать, после чего принимается стаскивать с себя мокрую толстовку.

Футболка норовит отправиться вслед за ней. Цепляется за кофту и задирается, оголяя сухой, по спортивному сложенный живот.

Отвожу взгляд. Щёки отчего-то вспыхивают. Или это просто от высокой температуры так мне кажется.

– На улице дождь? – зачем-то вылетает из моего рта.

– Как видишь.

Пружины скрипят и прогибаются под его весом. Краем глаза отмечаю, что устроился у самого края. Прислонился спиной к стене, сложил перед собой руки.

Какого...

Правда, что ль, сидеть возле меня собирается?

Ненавижу болеть. Твоё тело становится таким слабым! Всё, чего хочется, – сомкнуть веки и отключиться. Провалиться в сон. Что я, собственно, и делаю.

В реальность возвращаюсь какое-то время спустя по той причине, что мне становится ещё хуже.

– Насть. Совсем плохо? – слышу сквозь странный дурман. – Насть...

Кто-то произносит моё имя. И что-то в этом «Насть» не даёт мне покоя.

Большая, широкая ладонь уверенно касается моего лба, трогает лицо. А мне даже просто распахнуть глаза не под силу. Отвратительно себя чувствую. Знобит. Лихорадит. Мысли путаются. Не понимаю, где нахожусь.

– Насть...

Что-то происходит.

Поморщившись, пытаюсь отвернуться, однако сделать это мне не позволяют. Зато на какое-то время оставляют в покое. До тех самых пор, пока рядом не раздаётся противный писк. Мерзкий, режущий по воспалённым перепонкам.

У меня, вроде как, забирают градусник. После чего до сознания доносится речь, изобилующая нецензурными словами.

Недовольно мычу, когда лишают тёплого одеяла. Ворочаюсь, оттого, что некомфортно.

– Выпей это. Две, – снова вынуждают проглотить таблетки. А вот воде я рада. Губы совсем иссохли.

Жадно пью, а потом вновь обессиленно опускаюсь головой на подушку. Поворачиваюсь на бок и поджимаю под себя ноги.

Холодно. Ищу пальцами одеяло и тяну его на себя.

– Опять укрылась? Не надо этого делать, – слышу всё тот же мужской голос. Недовольной, но будто обеспокоенный.

Папа? Нет. Тогда кто?

Не хочу искать в подсознании ответ на этот вопрос.

Пытаюсь обнять себя руками и в ту же секунду чувствую, как на лоб ложится нечто холодное. Какая-то ткань.

Странно, но это приятно. Потому что снаружи я мёрзну, а внутри по ощущениям вся горю.

– Насть...

Забываюсь тревожным, коротким сном. Коротким, потому что в какой-то момент я начинаю испытывать непреодолимое желание сходить в туалет.

Распахнув глаза, часто-часто моргаю, желая, чтобы картинка как можно быстрее прояснилась. Однако всё, что я вижу, это – темнота. Встреча с ней и срабатывает, как катализатор. Запускаются мыслительные процессы, и мозг потоком выдаёт ту информацию, от которой тревожность нарастает.

Вспоминаю и то, что меня похитили. И то, что нахожусь под землёй. В крошечной тьме и холоде.

Паника невидимыми пальцами сдавливает горло. Начинаю чаще дышать. Мерещится что-то, а когда рядом обнаруживается чьё-то тело, я вообще прихожу в дикий ужас.

– Тихо, спокойно, – раздаётся над ухом.

Дёргаюсь влево. Отползаю, тут же скривившись. Правая ступня ноет и болит.

– Не бойся. Всё нормально. Батарейки сели, видимо.

Чувствую, что он садится.

Какого чёрта мы вдвоём на кровати?

Слышу, как щёлкает кнопкой.

– Да, батарейки.

Встаёт. По звуку отдаляющихся шагов догадываюсь, что направляется к двери, и тут случается это. Разнервничавшись, выдаю самое глупое из того, что может быть.

– Не уходи...

Объяснить эту дурость могу лишь тем, что мне очень-очень страшно остаться вновь наедине со своей фобией.

– Я на минутку, сейчас вернусь.

Прикусив язык, молчу.

Не уходи. Ты идиотка, Настя! До чего опустилась! Какая низость!

Пока распиная себя за вселенскую глупость, он, как и обещал, возвращается. Причём не один, а со светом, что позволяет наконец сделать выдох. Правда уже через секунду моё тело напрягается по новой. Потому что он подходит и касается ладонью моего лба. Вот так запросто и без спроса.

– Не трогай, – замешкавшись, сбрасываю его руку.

– Сама или как? – протягивает мне уже знакомый блистер с таблетками и стакан с водой.

– Мне нужно... – замолкаю, стесняясь сказать, что именно.

– В туалет, – кивает, понимая без слов.

Опускаю ноги на пол. Только сейчас замечаю, что на мне тёплые шерстяные носки. Вообще не помню, чтобы их надевала. Зато отлично помню то, что происходило в соседней комнате.

Смутившись, встаю.

– Не подходи! – останавливаю его жестом.

Мне очень больно, но меньше всего хотелось бы опять с ним контактировать.

– Я помогу.

– Ты сможешь, если отпустишь меня домой, – прихрамывая, делаю пару шагов вперёд.

Пытаюсь абстрагироваться от боли, но как бы не старалась, не получается. Аж слёзы непроизвольно проступают. Там на ступнях, похоже, живого места нет.

Несколько метров. Давай, ты справишься.

– Нет, не приближайся ко мне! – хрипло протестую.

– Да мать твою, я просто тебя туда отнесу, – невзирая на мою реакцию, всё равно делает по-своему. И подходит, и на руки берёт.

– Больше шума, – недовольно цедит, поставив меня на плитку.

– Выйди! – спешу от него отстраниться.

Кладёт фонарик на раковину. Смотрим друг на друга.

Как же бесит эта чёртова чёрная балаклава! Она пугает меня до жути. И вместе с тем, вызывает какой-то ненормальный интерес. Скорее даже любопытство.

– Позовёшь, как закончишь.

– Мечтай! Не смей ко мне прикасаться. Понял? – раздражённо шиплю в ответ.

– Даже не начинал ещё, – нагло усмехается он.

– Скорее удавлюсь, чем позволю тебе подобное. Проваливай! – указываю пальцем на выход.

И да, вообще-то я обычно так с людьми не разговариваю, но, учитывая обстоятельства... понять меня можно.

– Будешь хамить, останешься без света, – звучит по ту сторону двери.

Эта угроза злит, однако я благоразумно затыкаюсь.

Сама виновата. Считаю, что открыто дала знать о своей фобии.

Больно даже стоять, Боже! Не то, что идти.

Закручиваю волосы в небрежный пучок. Игнорируя неприятные ощущения, склоняюсь над раковиной. Откручивая кран, с удивлением случайно замечаю ёмкость с гелем для умывания. Дешёвый из масс-маркета. Таким я никогда не пользовалась, но это, однозначно, будет действовать на мою кожу мягче, чем мыло, её пересушивающее.

Неплохо.

Хватаю тюбик с зубной пастой.

Ура!

Вот не думала, что стану так радоваться его появлению. Факт. Зубной порошок – не моё совсем. Ерунда какая-то.

Покончив с водными процедурами, оцениваю своё отражение. Выгляжу настолько плохо, что даже нет особого желания себя разглядывать.

Прима. Кому скажи, смешно.

Расстелив толстым слоем бумагу по ободку унитаза, впервые осторожно на него присаживаюсь. Вперившись взглядом в стену, выложенную безвкусной, советской плиткой, активно борюсь со своими чувствами. Хочется зарыдать от бессилия. Что можно предпринять – совершенно не представляю. Я же чёрт пойми где!

Роняю лицо в ладони. Думаю. Думаю. Думаю.

Ничего в голову не идёт.

Встаю, скривившись. Разворачиваюсь, чтобы дёрнуть за шарик.

Твою...

В шоке застываю. Подсчитываю в уме. Всё правильно. Я с этими событиями совсем забыла о том, что месячные должны были начаться ещё в день спектакля.

Исследую полки шкафчика. До фиги просроченной ерунды, а того, что мне нужно, нет.

Блин-блин-блин! Только не это! Катастрофа.

– Ты всё? – доносится безэмоциональное.

Гррр!

Выбора нет. Приходится импровизировать и использовать то, что есть.

– Эй.

Заколебал!

Поправляю штаны, беру фонарик и толкаю дверь.

– Можно дать человеку время! – высказываю гневно.

Только возмущённо пискнуть успеваю. Подхватывает как куклу за талию, молча несёт до кровати. Там отпускает, и сразу же получает от меня ощутимый толчок в грудь.

– Сказала же!

– Колёса и жарка на тумбочке, – произносит он сухо. – Не чёрная икра, Зарецкая. Уж извини, – добавляет язвительно.

Присев на постель, растерянно наблюдаю за тем, как уходит.

Когда ключ в замке проворачивается, подползаю к стене, укрытой ковром, и обхватываю руками коленки.

Обиделся, что ли? Ну и наплевать! Главное, что у меня есть свет.

Желудок громко урчит, спазмами сигнализируя о том, что надо бы поесть. И, честно говоря, если не кривить душой, кушать хочется очень. Можно, конечно, играть в голодовку. Только какой смысл? Всем известно, сколько времени понадобится для того, чтобы довести себя таким способом до смертного одра.

В общем, минутой позже я уже забираю себе контейнер с кусочками копчёной курицы и тарелку с нарезанными овощами. Помидоры черри, огурцы.

«Не чёрная икра, Зарецкая. Уж извини».

Дурак. Сейчас мне кажется, что ничего вкуснее я не ела.

Кашляю. Вытираю руки влажными салфетками. Запиваю апельсиновым соком не то обед, не то ужин. Убираю мусор в пакет и тянусь за спреем.

Пшик-пшик – и о чудо! Нос вскоре оказывается способен выполнять свою функцию. Хоть дышать могу.

Бесцельно рассматриваю опостылевшую комнату. На глаза попадает толстовка парня, висящая на спинке стула. И, естественно, я лезу за ней.

Первым делом инспектирую карманы. Всё, что нахожу, – пара чеков. Один из аптеки, второй из хозмага на какие-то провода и предохранители.

Аптека «Горздрав», Симачёвский проезд, 5.

Симачёвский проезд. У нас в Красноморске такого нет, но название кажется знакомым.

От нечего делать прохожусь по списку купленных товаров.

Спрей назальный. Спрей от боли в горле. Тра-та-та... Аскорбинка со вкусом манго – 7 шт.

Вот откуда этот запах. Её постоянно жуёт значит.

Любитель аскорбинки, блин.

Закатываю глаза. Интересно становится. Раскапываю среди лекарств упаковку с этими леденцами. Попробуем. Закидываю один в рот.

А губа не дура, между прочим! Оч вкусно. Гораздо лучше, чем те мятные, которые от боли в горле.

Так, ладно. Надо вернуть чеки и кофту на место. Сворачиваю бумажки, как было, но внезапно кое-что замечаю и решаю развернуть одну из них заново.

На обороте чека из аптеки мелким забористым шрифтом написано следующее:

«Позвони мне. Катя 8951436...» и так далее. Ещё и улыбочка-смайлик нарисована. Подмигивающий такой.

Хм.

Переворачиваю.

Так-с...

Оплата наличными и тд. О, вот! Фармацевт Родникова Е.

Е – Екатерина, да? То есть аптекарь дала ему свой номер, что ли?

Он попросил? Или она сама? Что за дурацкий подкат? В аптеке.
Фыркаю.

Аккуратно ступив левой ногой на пол, вешаю кофту на спинку стула.

«Позвони мне».

Такое впечатление, будто инициатива исходила от этой Кати. А что... Вполне возможно, что красивые у него не только глаза и губы, вот девчонка и повелась на внешность.

О чём я, Боже! Да какая разница?

Глупая. Знала бы, чем он занимается, желание знакомиться моментально отпало бы!

Беру термометр, чтобы измерить температуру и отвлечься от странных мыслей, да только вот ни фиги не получается! Смотрю на толстовку и чётко сейчас понимаю одну вещь: мне срочно надо узнать, кто скрывается за балаклавой...

Глава 8

Данила

Есть две новости.

Первая – просто отличная. Мне удалось починить чёртов генератор. Теперь можно на какой-то период включать свет и пользоваться электроприборами.

Привет, цивилизация!

Что касается второй новости, она – весьма тревожная. Егор так и не появился. Уже несколько дней с миром нет никакой связи. Сеть не ловит даже на самой верхней ступеньке и это – по-настоящему дерьмово. Особенно, учитывая обстоятельства. Зарецкая ведь болеет...

Честно говоря, показания градусника меня всё ещё тревожат. Температура под действием таблеток хоть и опускается, но к вечеру обязательно поднимается. Когда термометр показал тридцать девять и семь, я прям труханул жёстко. У меня-то подобного никогда не было. Максимум, что помню, тридцать восемь с половиной. Мне тогда лет десять было. То ли грипп, то ли что... Закрыли в изоляторе.

– Теперь у нас есть свет? – восклицает Настя радостно.

Застаю девчонку в странной позе. Она сидит на кровати, вывернув правую ногу к себе. Рядом лежат старые, окровавленные бинты и пластырь.

– Что там у тебя? – замечаю, что её оголённая стопа заметно распухла.

– Не знаю. Болит.

Наверное, где-то мелкий осколок остался. Пропустил. Такое вполне возможно.

Оставляю пакет на столе, присаживаюсь рядом и отбираю фонарик, который она держит в левой руке.

– Ты... – дёргается, когда дотрагиваюсь. – Не надо, я сама.

Молча осматриваю повреждённую кожу стопы. Особенно внимательно в том месте, где есть выраженная краснота и припухлость. Под пяткой.

– Что там?

– Стекло, судя по всему.

– Я не увидела.

– Надо достать, – поднимаюсь с постели и отправляюсь в соседнюю комнату за аптечкой. Не особо хочется помогать после той её заявочки, но я напоминаю себе о том, что передо мной всего-навсего девчонка. Слабый пол и всё такое...

Возвращаюсь через минуту. Иду мыть руки, после чего достаю из аптечки то, что нам понадобится: пинцет, спиртовой раствор, ватные палочки, зелёнку, бинт.

– Ори, если что, – обрабатываю «инструмент» и фиксирую ногу девчонки так, чтобы мне было удобнее.

Подсвечиваю фонариком нужную область и приступаю. Не то, чтобы я возомнил себя хирургом... Просто опыт небольшой в этом деле имеется. Однажды, лазая по заброшке, я здорово поранил ногу о битое стекло. Потом вот такая же ситуация была. Один в один.

С задачей справляюсь не сразу. Приходится Зарецкой немного потерпеть до того момента, как мне удаётся подцепить мелкий осколок, засевший глубоко под кожей.

– Вот он, падла! – объявляю почти торжественно. – Щас, погоди, давай зелёнкой рану обработаем. Она любую шнягу заливает, – опускаю ватную палочку в горлышко бутылёчка.

Я с этой чудо-жидкостью на ты. Главное правило: не уделаться как свинота. У нас в детдоме зелёнка была просто маст хэвчиком. Каждый божий день кто-то Шреком ходил.

– Готово, – озвучиваю, совершив бесхитростные манипуляции. – Мажем.

Наклоняюсь ближе. Осторожно прижигаю рану зелёнкой.

Надо сказать, что девчонка не шипит, не ойкает и не плачет, хотя приятного во всей этой процедуре мало. Никак не реагирует. Просто терпит и ждёт, когда я закончу. Разве что напряжённое тело говорит о том, что ей всё-таки больно.

– Выдохни.

Явно с облегчением опускает ногу.

Разматываю бинт, делаю надрыв зубами и перехожу к заключительной части нашего мероприятия. Лучше пока закрыть все эти порезы. Выглядеть всё это стало значительно лучше.

– Ровно держи. Что с пальцами? – поправляю стопу.

– Я держу... – отводит взгляд в сторону.

Не пойму, смущается или что?

– Какие есть! – бормочет себе под нос.

– Чего? – не понимаю, о чём она.

– Ты спросил, что с пальцами. Какие есть – такие есть. Да, искривлённые. Да, уродливые! Такие! – произносит обиженно.

– Да я не про это, – до меня наконец доходит. – Ты их поджимала странно, тянула ногу вверх. Мне так мотать неудобно.

– Конечно тянула! – восклицает звонко.

– Зачем? – искренне не понимаю.

– Затем, что я ото всех их прячу, – возмущается она недовольно.

«Ото всех их прячу». Забавно.

– Всё, Зарецкая, конец цвета! Я видел твои кривые пальцы, потрескавшиеся ногти, натоптыши и мозоли!

– Обязательно перечислять все дефекты? – хватает шерстяной носок и быстро натягивает его на ногу.

– Обещаю, что никому не расскажу, клянусь, – усмехаюсь, захлопывая аптечку. – Тебе поесть пора и выпить лекарства. Пойду разогрею воду в чайнике, ты пока проверь температуру.

Встаю, собираюсь уйти, однако, услышав, как шмыгает носом, оборачиваюсь.

– Ты плачешь, что ли?

– Нет, – по привычке отползает к стене и опирается спиной о ковёр.

Нет? Ага, как же!

– Если что, я пошутил. Не воспринимай мои слова всерьёз. Про мозоли и остальное, – поясняю на всякий пожарный.

Женщины – ранимые существа. Помню, наша русичка частенько нам про это задвигала, когда мы ссорились с нашими девчонками.

– Зарецкая...

– Угу, – прячет лицо в ладонях.

Чё за фигня? Не пойму, из-за чего так расстраивается?

– Ты ж, блин, балерина! У тебя пальцы постоянно в этих ваших херовинах зажаты.

– Это называется пуанты, – поправляет меня, вытирая слёзы рукавом старомодного свитера.

– Вот да, точно. Пуанты.

Знал же, просто забыл.

– Тебе противно было на это смотреть? – подняв голову, спрашивает она вдруг.

«Противно смотреть» Формулировка, конечно.

– Нет, – отвечаю я честно.

– А что почувствовал? – не отстаёт она.

Что почувствовал...

Капец, у нас диалог неординарный.

– Мне стало тебя жаль, – пожимаю плечом. – Оно же, видимо, на постоянку так, заживать не успевает. Постоянно плясать в этих черевичках надо...

Смотрим друг на друга. Она, вроде, успокаивается. Не знаю, верит или нет, но я говорю ей правду. Я испытал своего рода сострадание, если можно так выразиться.

– Мой жених, случайно увидев мои пальцы на пляже, сказал, что это ужасно, – признаётся она, опуская взгляд.

– Это который старый? – уточняю, когда в памяти всплывает бугай кавказской национальности. – Франт в пиджачке и брюках?

– Он не старый, вообще-то, – краснея, поджимает ноги к груди.

– Но старше тебя прилично.

– Почти на одиннадцать лет.

– Говорю же, старый, – повторяю, продолжая стоять на своём.

– В современном мире для мужчины и женщины это – нормальная разница, – поджимает губы.

– Ну как сказать...

Рядом с этим рослым, крупногабаритным мужиком она выглядит совсем юной.

– Амиран не жалуется балет... – зачем-то рассказывает, глядя в стену. – А ты что думаешь?

– Я думаю, слишком много вопросов сегодня.

На последний отвечать точно не хотел бы. Как и обсуждать свои впечатления от балета, увиденного впервые. В её же исполнении.

– Я за кипятком. Доширак ела когда-нибудь, принцесса? – останавливаюсь у двери.

– Представь себе, вообще-то ела, – доносится мне в спину.

Касаюсь ручки. Улыбаюсь.

Столько лет прошло, а она до сих пор помнит...

Глава 9

Эдуард Зарецкий

– Эдуард Сергеевич, можно?

– Да, – потираю переносицу и поправляю пиджак.

– Кхм... – Ордовский покашливает и как-то странно жмётся, что на него не совсем похоже.

– Чего встал? Проходи, – киваю в сторону кресла, что стоит напротив.

– Там... Вы только не волнуйтесь, – предостерегающе выставляет ладони вперёд.

Фраза «вы только не волнуйтесь» – это по-любому знак того, что новости хреновые.

– Да говори ты уже, Дима! – начинаю злиться и выходить из себя. Терпеть не могу подобные паузы.

– Охрана обнаружила подкинутую во двор посылку.

У меня от его слов озноб ползёт вдоль позвоночника.

Сглотнув, напрягаюсь всем телом.

– И что там? – буквально заставляю себя спросить. В голове уже с десяток вариантов.

Причём один хуже другого.

– Диск.

– Диск...

Его ответ и радует, и тревожит одновременно.

– Поехали, – резко поднимаюсь. – Бурунову позвонили?

– Да, Михалыч набрал его сразу после того, как ребята вскрыли пакет. Тот проорался, потребовал ничего не трогать. Уже едет туда.

– Ясно, – закрываю кабинет на ключ.

– Эдуард Сергеевич, ой, а вы уже уходите? – секретарша испуганно роняет зеркальце из рук и сгребает под стол свой бездонный саквояж с косметикой.

Размалевалась как проститутка. Хотя почему как? Проститутка и есть.

– А я исправила то письмо, которое утром приносила, – произносит с гордостью. – Ну, учла все ваши замечания.

– Достижение, Таня. Прошло десять часов.

– А, тут ещё пришёл факс от Рахимова... – протягивает мне листок.

– Когда? – вырываю бумажку из её пальцев. – Три часа назад? Тупая сосущая голова! Я просил сообщить мне сразу же!

Дура безмозглая! Годиться только для того, чтобы на коленях стоять. Это единственный её талант.

– Я просто...

– Уволена. Собирай свой манатки. Чтобы завтра же ноги твоей тут не было!

– Но Эдик... Ээдуард Сергеевич, – блеет, глядя на мою перекошенную от гнева морду. Сперва бледнеет, затем в секунду покрывается красными пятнами.

– Новую секретаршу к понедельнику найди, – бросаю Ордовскому, когда спускаемся по ступенькам.

– Будет сделано.

– И не такую безмозглую курицу, как эта.

Покидаем здание. На улице идёт проливной дождь. Затянутое серыми тучами небо громыкает раскатами. Водитель спешно направляется ко мне, на ходу раскрывая зонт.

Чёртова погода! Как будто из Москвы всю эту хреновень привёз.

Сажусь в автомобиль. До посёлка едем в полном молчании. Знаю, что Ордовскому нужно в срочном порядке обсудить со мной дела, но сейчас вообще не могу думать о чём-то, кроме Насти. И он, судя по всему, это прекрасно понимает.

– Приехали, Эдуард Сергеевич, – выдёргивает из мрачных мыслей его голос полчаса спустя.

Замечаю у ворот машину подполковника Бурунова. Пятью минутами позднее его и Полищука находим в смотровой башне охраны. Первый уже сидит за компьютером. Останавливаясь за его спиной, игнорируя приветствие подчинённых. Взгляд автоматом приклеивается к экрану.

Играет музыка. Если не ошибаюсь, из Лебединого озера. Вокруг темно, но пучок света, направленный на мою Настю, позволяет увидеть то, от чего я в один миг свирепею. Она танцует. Танцует на битых стёклах босыми ногами. Крутит фуэте, морщась от боли.

Отхожу в сторону. Выбрасываю кулак вперёд, впечатывая его в шкаф, и рычу, прикрыв глаза на пару секунд.

Урою. Уничтожу. Выпотрошу. Сормлю червям.

Мрази.

– Эдуард Сергеевич, водички?

– На хер иди, – едва сдерживаюсь, чтобы не разгромить тут всё к дьяволу.

– Эдик, в чём дело? Это Настенька? Это наша Настя?

Мать твою, только её тут не хватало!

– Ты что тут делаешь? – прихватываю жену за локоть и веду на улицу.

Спускаю по лестнице, силком тащу по вымощенной брусчаткой дорожке.

– Я хочу посмотреть! Дай мне посмотреть на нашу дочь! – кричит, сопротивляясь.

– Вернись в дом, Алиса, – не позволяю вырваться.

– Моя девочка. Где она? Где она, Эдик?

– Не выпускать, – приказываю телохранителю Косте.

Ещё не хватало, чтобы она увидела этот проклятый ролик. Итак микроинсульт словила на фоне происходящего.

– Эдик! – слышу, как она рыдает. – Найди её! Найди, прошу!

Возвращаюсь в башню охраны. Бурунов в этот момент уже прячет упакованный диск в свой допотопный, пошарпанный чемодан. Снимает перчатки.

– Вышли все вон, – обращаюсь к присутствующим, и те незамедлительно ретируются.

– Что это за место? – интересуюсь, когда остаёмся вдвоём.

– Эдик, при всём уважении... я не экстрасенс, – закрывает чемодан на клёпки и поднимает на меня взгляд. – Отдам ребятам на экспертизу для детального изучения. Поработают с картинкой, глядишь, получится прояснить детали.

– Это всё, что ты можешь сказать? – выплёвываю яростно.

– Звук наложили уже после. Возможно, в оригинале на записи был слышен голос того, кто снимал видео. Говорю же, моим спецам надо поработать.

Бесит его спокойствие. Если бы не наше знакомство со времён горшка, непременно начистил бы ему харю.

– Сядь, продышись. У меня к тебе есть парочка вопросов.

Отодвигаю стул со скрежетом.

– Скажи, кроме Сердюка и Панфилова ни с кем за последнее время в конфликт не вступал?

– Я уже говорил! – отвечаю с психом.

– А ты поднапрягись и ещё раз хорошенько подумай, Эдик. Потому что эти двое чисты как младенцы.

– Уверен?

– Абсолютно, – кивает он.

Молча перебираю в голове круг знакомых.

– Вспомни еще, не отказал ли кому в помощи. Речь о простых гражданах, обращавшихся к тебе.

– То есть ты всерьёз полагаешь, что мать, требующая компенсацию за сына, погибшего в армии, способна на подобное!

– Сергеич, ну это же, наверняка, не единичный случай, – складывает пальцы вместе.

– Естественно.

– Давай, озвучивай, из последнего.

Из последнего...

– Переселенцы с Ленина ходят скулят день через день.

– Устали ждать. Можно понять их.

– Тренер местной сборной по футболу просил выделить денег, я отказал.

– Не повод.

– Зелёные эти ещё достают...

– Защитники природы?

– Да. Митингуют против вырубki леса. Целое расследование устроили. Куда, кому и через кого я его продаю.

– Это не то, здесь что-то посерьёзнее, – прищуривается, отрицательно качая головой.

– Частный детсад не разрешил открыть.

– Не то.

– Отклонил идею построить ресторан в центральном парке. Предложенная за содействие сумма смехотворна.

Он молчит. Я интенсивно размышляю.

– Закрыв фирму Хомова.

– Такси? – уточняет, делая пометки в блокноте.

– Да.

– Уже что-то. Он этим бизнесом годами кормился.

– Делиться надо уметь.

– Ох и жадный ты, Эдуард Сергеич! А с новым аквапарком что за история?

– Это теперь наш проект.

Бурунов вскидывает бровь.

– Отжал?

– Ну что ты, «договорились», – ухмыляюсь я.

– Ну-ну, зная твои методы... Эх, Сергеевич. Хорошими делами прославиться нельзя. Это прям про тебя.

– Ты долго гадать на кофейной гуще собираешься? Твои следки вообще ни на что не годные сотрудники?

– Не кипятись. Между прочим, лучшие специалисты привлечены.

– А толку! – вскочив со стула, убираю руки в карманы. – Твои дегенераты не обнаружили ни единой зацепки! Центр города, общественное место! Машину нашли? О которой очевидцы говорили.

– До сих пор идёт проверка всех похожих. Баба-свидетель такое описание «исчерпывающее» дала, что под него попадает пол города.

– А с поисками что?

– Прочесали всё вдоль и поперёк. Подвалы, заброшки, давно пустующие частные дома. Лес, побережье.

– И?

– И пока ничего, – нахмурившись, виновато разводит руками. – До соседних территорий уже добрались. Помни, что за пределы края они точно выехать не успели.

– Это сто процентов?

– Двести. По ориентировке тормозили и шмонали всех без разбора. Где-то здесь твоя Настя...

– Так ищи, Федя! Ищи! – ору я, в него вцепившись.

– Остынь. Я понимаю твоё состояние.

– Ты понимаешь? Твой сын-долбоящер сидит дома, пуская слюни перед компом, а моя Настя неизвестно где!

– Эдик, – красноречиво смотрит на мои пальцы, сжимающие его китель.

Отпускаю. Отхожу к окну. Пытаюсь привести дыхание в норму.

– Кто посылку подкинул?

– Подросток на велике из соседнего Звягино. Он уже в отделении, его срисовали твои камеры. Вот мои парни и взяли его по горячим следам.

– Хотя где-то, олухи, себя проявили. Что говорит пацан?

– Что какая-то незнакомая женщина попросила его это сделать. Дала за свою просьбу косарь. Сейчас составляем её фоторобот для выяснения личности. А вообще, Сергеич, я рассчитываю на то, что похитители скоро сами объявятся. По-любому будут требовать выкуп.

– Гениальное умозаключение! Я не могу ждать! Она нужна мне живой и невредимой! – бью кулаком по столу.

– Прости, что говорю это, – снимает очки, – но если бы они хотели Настю убить, то уже непременно сделали бы это.

Глава 10

Настя

В детстве папа иногда называл меня маленькой манипуляторшей. Ну потому что порой я целенаправленно шла на хитрость, желая заполучить его присутствие и внимание. Мне ведь, как любому среднестатистическому ребёнку, жутко хотелось, чтобы он проводил со мной больше времени.

Это я к чему... Пришла пора применить ту же технику на Адекватном. Кажется, что такой подход может сработать, ведь исходя из наблюдений, Мистер Икс вполне себе человечен. Лекарства купил. Ступни обработал, причём дважды. Принёс кипяток. В общем, как минимум, он способен проявлять участие и сострадание. На том и будем играть.

Мне необходимо узнать, кто он такой. В последнее время эта навязчивая мысль просто не даёт покоя.

Внезапно меня осеняет. Надо поднять себе температуру. Точно! Парень заметно нервничал в ту ночь (или день), когда градусник показал тридцать девять и шесть. Сидел тут со мной, не отходил. Как раз это мне и нужно.

Без зазрения совести опускаю металлический наконечник термометра в кружку. Буквально на несколько секунд. Чай – как раз не кипяток, но достаточно горячий. Идеально для того, чтобы моя спонтанная идея сработала.

Слышу какие-то звуки за пределами комнаты. Возвращается, видимо.

Быстро вытираю градусник о рукав кофты, мельком оцениваю результат своих манипуляций и засовываю его под мышку. Укладываюсь на подушку лицом к стене. Ещё и одеяло по самые уши натягиваю.

Вскоре со скрипом открывается дверь.

Стоит на месте. Наверное, не может понять, почему я опять лежу. Только же спала недавно.

– Ты почему не поела? – слышу его голос.

Молчу, ощущая удары собственного сердца в ушах.

– И чай не стала пить...

– Не хочу, – отзываюсь тихо.

– Начинается? – выдыхает устало.

Хочу сказать, что чувствую себя плохо, но вместо меня пищит термометр.

Браво, очень вовремя! Твой выход!

– Дай мне градусник.

Лениво копошусь под одеялом, после чего, сморщив мордочку, передаю ему термометр. Даже не взглянув на цифры. Типа мне настолько дурно, что нет на это сил.

– Твою... Ни хера себе!

Угу.

Отчего-то хочется глупо засмеяться.

Ну не дура ли?

– Насть, тебе надо выпить те колёса, – шелестит коробками, лежащими на столе.

Блин. Об этом я как-то не подумала.

– Давай, поднимись.

Ладно, придётся. Надеюсь, что с настоящих тридцати семи температура под действием препарата упадёт не критично.

Трясущейся рукой забираю у него стакан и жаропонижающее. Щёки горят. Взгляд упирается в пол. Стыдно врать, но что поделать, это же часть моего плана.

– Поешь?

– Не сейчас, – глотаю таблетку, запивая её большим количеством воды. – Выключи свет. Раздражает.

– Ты же боишься темноты, – напоминает любезно.

– Торшер оставь, пожалуйста. Так не боюсь.

Исполняет мою просьбу, пока я организовываю себе кокон из одеяла и ложусь.

Навострив уши-локаторы, замираю.

Собирается уходить? Серьёзно?

– Если вдруг умру, скажешь родителям, где тело? – спрашиваю тихо.

– Чушь не говори.

– Никакая не чушь! У меня пневмония.

Прости Боже, если это не она. Накликать беду очень не хотелось бы.

– Пройдёт.

– Каждый год от пневмонии умирают семь миллионов человек, – невозмутимо озвучиваю печальную статистику.

– С чего ты взяла, что у тебя именно она?

Даже через балаклаву вижу, как хмурится.

Захожусь приступом кашля. Я не нарочно, если что. Оно само как-то.

– Чёрт... Это из-за того, что ты всю ночь пролежала на холодном полу?

Подмечаю, что мне-таки удалось значительно повысить градус его беспокойства. Он явно занервничал.

– Не знаю, – шмыгаю носом. – Мог партнёр заразить. Он больным пришёл на выступление.

Сейчас вот не лгу. Теперь уже сложно будет выяснить причину...

Переворачиваюсь на бок. Искоса наблюдаю за парнем. Тот зачем-то полез на книжную полку. Как оказывается позже, ему понадобился медицинский справочник.

Усаживается за стол и принимается листать этот толстенный талмуд, сохранившийся со времён моей бабушки. Читает, подсвечивая шрифт фонариком.

– Высокая температура, озноб, кашель. Скажи, а дышать тебе тяжело?

– Да. Болит в груди, – нагнетаю маленько.

– Тут про это тоже есть, да, – недовольно цокает языком. – Пульс ещё рекомендуют посчитывать.

Встаёт, подходит ко мне, вместе с этой энциклопедией. Кладёт её себе на колени. Берёт меня за руку. Накладывает средний и указательный палец на запястье.

– Где тут у тебя артерия, Зарецкая? – нащупывает, прижимает. – Повыше держи кисть, на уровне сердца и не разговаривай, поняла?

Да, я как бы, итак дар речи потеряла... Слишком интимный и неожиданный жест.

Сосредоточенно что-то там считает, неотрывно глядя на ползущую стрелку своих наручных часов. Я же в это самое время чувствую, что стремительно краснею. Испытываю странные ощущения. И это совершенно мне не нравится.

– Пульс повышен, — заключает он тоном Айболита.

Да неужели?

Спешно высвобождаю руку и снова опускаю голову на подушку.

– Тебе надо в больницу, – выдаёт он, подумав.

– Отлично, отвезёшь? – даже не пытаюсь скрыть сарказм.

Он, по традиции, молчит.

– Ну ясно.

– Потерпи немного. Скоро для тебя всё закончится.

– Я очень надеюсь. Меньше всего на свете я хотела бы закончить свои дни под землёй, в этой бетонной коробке!

На глазах выступают слёзы. И это отнюдь не актёрская игра.

– Как тебя зовут? – решаю спросить именно сейчас.

– Это неважно.

– Как это неважно? Вот ты моё имя знаешь, а я твоё нет.

– Так и должно быть, учитывая ситуацию.

– Скажи хоть первую букву, буду гадать, – не отстаю от него я. – Только честно.

– Спи, хватит трещать.

Отвечать он явно не собирается. Ещё и к двери снова подходит.

– Она хоть симпатичная?

– Кто? – останавливается и оборачивается. Мой вопрос его явно озадачивает. Эффект неожиданности сработал.

– Катя.

– Какая ещё Катя?

– Девушка из аптеки. Фармацевт.

Ах, как жаль, что я не вижу его лица! Однако и без этого ясно, что он не понимает, откуда я владею подобной информацией. Отчётливо читаю в его глазах некое замешательство.

– Шарила по карманам? – подходит к стулу, на котором висит его худи, и сам воспроизводит озвученное действие.

Догадался. Смекалистый.

– Наивно полагала, что мне повезёт.

– Повезёт? – находит тот самый чек из аптеки. Разворачивает, рассматривает с двух сторон. Вроде даже удивляется.

Не увидел оставленный номер сразу? Да ладно!

– Вообще-то я рассчитывала обнаружить там телефон или ключи.

– Телефон в этом месте – всё равно, что кирпич. Абсолютно бесполезен. А ключей у меня нет. Так что расслабься, сыщик, – бросает он, забирая худи.

– Ну а вдруг...

Ключей у меня нет.

Я, наверное, раза три подряд прокручиваю в голове эту фразу.

– Стоп-стоп-стоп! – подрываюсь с кровати, обуваюсь и фактически бегу за ним. Во всяком случае, передвигаюсь так быстро, как могу, стараясь не обращать внимания на боль в израненных ступнях. – Постой-постой! Что значит у тебя нет ключей? – нагоняя, цепляюсь за его футболку.

– Уже не помираешь? – выходит из большой комнаты в коридор.

Такое впечатление, что насчёт ключей не врёт. Иначе не среагировал бы так спокойно на то, что я иду дальше следом. Эта реакция может означать лишь одно: та толстенная, дальняя дверь, ведущая к лестнице, закрыта. Причём, с обратной стороны.

– Кто-то, кроме твоего психа-подельника, в курсе того, что мы здесь? – с осторожностью осматриваю гудящую махину. Судя по идущим от устройства проводам, это тот самый генератор, благодаря которому у нас есть свет и кипяток. – В курсе, нет?

– А ты сама как думаешь?

Чёрт. Я в шоке!

– Ты вообще понимаешь, что это значит?

Лично мне становится очень страшно.

– Он вернётся.

– Вернётся? А если с ним что-то случится? Тогда что? – кричу на него. Желание подружиться стремительно уступает место бурлящему внутри меня негодованию.

Перспектива оказаться фактически погребёнными заживо, пугает меня до жути. И его спокойствие в данных обстоятельствах крайне раздражает. Неужели настолько доверяет Агрессивному?

– Возвращайся в комнату. Ты спать собиралась.

– Спать. Ты серьёзно?

Будто бы в свете последних новостей это представляется возможным.

– Не думал о том, что он может тебя кинуть? О том, что мы оба останемся в этом проклятом бомбоубежище? Навсегда. Эй ты! – толкаю его в порыве злости. – **СЛЫШИШЬ МЕНЯ, НЕТ?**

– Хватит истерить.

– Стоило догадаться о том, что в этом вашем тандеме ты – слабое звено! – бросаю язвительно.

– Всё сказала? – дёргает на себя рубильник, и свет в коридоре гаснет. Теперь только включённый фонарик освещает окружающее нас пространство. Мрачные серые стены, если выражаться точнее. – Иди укладывайся.

Голос ровный, но всё-таки есть ощущение, что мои слова его задели.

– Сколько его уже нет? Неделю? Больше? Что, если он уже сбежал куда-то, получив выкуп?

– Твой отец похож на идиота? Будет платить за пустые обещания?

– Идиот в этой ситуации один! Ты! – тычу пальцем ему в грудь. – Что это за место? Где мы? Как далеко находимся от города?

Молчит, а меня начинает нещадно бомбить. Нервы-то давно на пределе.

– **ОТВЕЧАЙ!**

– В комнату вернись, – продолжает стойко игнорировать мою непрошенную истерику, и это неслучайно бесит.

– **КАК МОЖНО БЫЛО ПОЗВОЛИТЬ ЕМУ ЗАКРЫТЬ НАС?** – кричу, ругаясь. Дерусь. Что совсем на меня не похоже. Я ведь обычно не бью людей. – **МЫ РИСКУЕМ ОСТАТЬСЯ ПОД ЗЕМЛЁЙ НАВЕЧНО! ПО ТВОЕЙ ВИНЕ! ПО ТВОЕЙ!**

– По моей? – удерживая за плечи, припечатывает спиной к холодной стене. – Это из-за тебя нет ключей. Если бы не грёбанный поход в аптеку, они бы у меня были!

– Я не просила покупать лекарства! Ты сам проявил по отношению ко мне сострадание!

– Это не сострадание.

– Да? А что же? – резко сбиваю его руку своей.

– Рационализм. За мёртвую Настю губернатор платить не станет.

Обиженно поджимаю губы.

Ах, вон оно что. Значит, дело только в этом? Я-то думала, что речь о проявлении человечности!

– Наивно считаешь, что у вас всё получится? – интересуюсь, усмехнувшись. – Ты хоть представляешь, **КТО** мой отец и какие у него связи?

– Как видишь, связи ничем ему не помогли. Про это место никто не знает. Он не сможет найти тебя. Догоняешь?

– Сможет! – восклицаю упрямо.

– Надежда умирает последней.

– Вы ублюдки, – выталкиваю яростно. – Лёгкой наживы захотелось? Больше ничего не придумали? Напасть на девчонку – это же так по-мужски! Bravo! Ваши семьи буду вами гордиться, когда принесёте домой выкуп! Если принесёте!

– Ты оказалась тут только благодаря своему папаше! – долбанув рукой по стене, цедит сквозь зубы.

– А ты и твой друг скоро окажетесь за решёткой! – шиплю в ответ. – Будете довольствоваться небом в клеточку!

– Посмотрим.

– Запросто получить деньги не выйдет!

– Кто знает, украсть тебя ведь получилось, – подмечает он ядовито.

– Вам просто повезло, я была без охраны.

– Ну вот видишь, сама судьба благоволит нам, – усмехнувшись, отходит к генератору. Ещё и издевается!

– Включи свет.

– Обойдётся. На сегодня лимит исчерпан.

Гад!

– Давай, шуруй в свои апартаменты, – подталкивает к тёмному коридору. – Отбой.

Выхожу из подсобки, буквально кипя от злости.

– А ну, градусник ещё раз засунь. Больно ты резвая для того, кто при смерти, – добывает меня уже в комнате.

– Сам его засунь себе, знаешь куда? – отзываюсь раздражённо.

– Легла и замолчала. От тебя сегодня слишком много шума, Насть. Накажу. Нарываешься.

И что-то в этом «Насть» опять меня настораживает.

– Ты человека украл! Ждёшь после этого от него смирения? – делаю пару шагов по направлению к кровати.

– Чего я жду, так это того момента, когда мы распрощаемся. Ты невыносимая.

– Это почему еще?

– Потому что. Неблагодарная и капризная. Принимай горизонтальное положение, и чтоб ни звука больше.

– За что благодарить? За вот это вот всё? – Не дура. Понимаю, о чём речь, но не могу обойтись без колкого комментария. – Стой! Куда? Фонарик-то оставь!

– Поспишь сегодня без света.

– Вот ещё!

Такое положение вещей меня абсолютно не устраивает. Я же до трясучки боюсь темноты и всего, что с ней связано.

– Отдай! – между нами завязывается некоего рода борьба. Я пытаюсь отвоевать своё право на свет, но внезапно... Фонарик падает, катится в угол.

– Дура! – он наклоняется за ним. А я... Сама не знаю, откуда вдруг прилив храбрости берётся, однако уже в следующую секунду я делаю то, чего он от меня никак не ожидает. Да что там! Я и сама от себя этого не ожидаю.

Проявив потрясающую ловкость, сдёргиваю с его головы чёртову балаклаву, и в эту самую секунду мы оба перестаём дышать.

Бам-бам-бам.

Это моё сердце оголтело стучит в груди.

Всё происходит будто в режиме замедленной съёмки. Парень поворачивается лицом ко мне и встаёт, выпрямляясь во весь рост. Я, в свою очередь, инстинктивно подаюсь назад и прячу тканевую балаклаву за спину, когда он делает резкий выпад вперёд, пытаясь выдернуть её из моих рук.

– Ты спятила? – надвигается на меня скалой.

– Всё. Я тебя отлично вижу. Какой теперь в ней смысл? – бормочу, отступая.

– Понимаешь, что творишь? – интересуется недовольно.

– Понимаю, – отвечаю невозмутимо, всматриваясь в черты его лица.

Нет, ну я-таки слукавила немножко. Света от упавшего на пол фонарика недостаточно для того, чтобы рассмотреть его как следует, однако даже так я сразу неосознанно отмечаю про себя две вещи. Первое – на шее у него какая-то татуировка. Второе – он действительно молод, как я и думала.

– Сюда отдала! – нависая надо мной, произносит требовательно.

– А ты заberi, – юркнув вправо, в несколько шагов быстро пересекаю комнату и ныряю под стул, чтобы поднять фонарик. – Ну-ка, ну-ка, – резко направляю пучок света прямо на него.

– Убери его в сторону, идиотка, – закрывает глаза рукой.

– Кто ты такой?

– Опусти, говорю.

– Мы знакомы, да? – спрашиваю, нахмурившись.

– Нет, – выдаёт после странной неоднозначной паузы. – Может, хватит светить мне в морду? – раздражается.

– Я тебя знаю, – упрямо стою на своём.

Где же я могла его видеть? И когда?

– Вот что... Ты меня достала своими выходками, – снова направляется ко мне.

Смотрю на него.

Смотрю неотрывно...

Скуластый. Ровные брови в разлёт. Нос с небольшой, едва заметной горбинкой. Чувственный контур губ. Недобрый, предостерегающий прищур.

– Вообще не соображаешь, глупая?

Предпринимает попытку выдернуть многострадальный фонарик, я же вцепившись в его руку, изо всех сил пытаюсь этому воспрепятствовать. Вдруг в тот же самый момент ощутив под пальцами глубокий вытянутый рубец от шрама.

Именно здесь и щёлкает что-то в воспалённом мозгу. У одного знакомого мне человека тоже был такой шрам. Более того, именно из-за меня он его и получил...

– Дань? – мои глаза, должно быть, становятся размером с пять рублей. Сказать, что я удивлена, – ничего не сказать. – Это ты?

Вижу, как застывает на месте и сжимает челюсти, поигрывая желваками от напряжения.

– Это правда ты? – выдыхаю изумлённо.

Чтоб мне провалиться на этом самом месте, но я вижу перед собой взрослую версию мальчика, которого знала в далёком детстве.

Точно! Он!

Господи, обалдеть! Изменился конечно, но, чёрт возьми, я просто не могла его не вспомнить. Были на то свои причины.

Отбирает балаклаву, глядя мне в глаза.

Сколько лет прошло?

Восемь?

С ума сойти!

– Ты...

Потрясённо замолкаю. В голове самая настоящая чехарда мыслей. На душе растерянность и смятение.

Вот оно! Вот почему я так на него реагировала! Вот почему подсознательно доверяла ему и знала, что не обидит! Теперь всё складывается.

Или нет?

– Зачем ты украл меня? – выпаливаю ошарашенно.

Я в шоке. Он молчит. Так и стоим в каком-то немом ступоре. До тех пор, пока он не стряхивает с себя мою ладонь.

– Ты вообще собираешься объясняться?

– Нет.

– Нет?

Отодвигает меня в сторону, чтобы уйти. Оставляет одну. В состояни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.